

6655

A. DIMENSIONI

INDICE
C. D. B. M. A.

УЭ -

**БИБЛИОТЕКА
МИРОВОЙ ДРАМАТУРГИИ**

А. ПИСЕМСКИЙ

НБ ПНУС

6655

**ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ИСКУССТВО**

Д
ПЗЧ

А. ПИСЕМСКИЙ

~~5737.~~

ГОРЬКАЯ
СУДЬБИНА

5

ДРАМА
В ЧЕТЫРЕХ ДЕЙСТВИЯХ

ИСКУССТВО

МОСКВА 1939 ЛЕНИНГРАД

10672
5599
6655
X
24901

1941
1941

*Портрет А. Ф. Писемского
гравюра на дереве
худ. А. Н. Павлова
(фрагмент портрета
работы И. Е. Репина)*

Действующие лица

Чеглов-Соковин — молодой помещик.

Золотиллов, зять его — помещик пожилых лет и уездный предводитель дворянства.

Калистрат Григорьев — бурмистр Чеглова-Соковина.

Ананий Яковлев — оброчный мужик Соковина, промышляющий в Петербурге.

Лизавета — жена Анания Яковлева.

Матрена — мать Лизаветы.

Баба Спиридоньевна — соседка Матрены.

Дядя Никон — задельный мужичонка.

Шпрингель — губернаторский чиновник особых поручений.

Исправник.

Стряпчий.

Сотский.

Мужики: Михайла Федоров, выборный; Давыд Иванов; молодой парень; кривой мужик; рябой мужик; понятые; бабы.

Действие происходит в деревне Соковина.

Действие первое

Хорошая крестьянская изба. В переднем углу стол, накрытый белой скатертью, а на нем хлеб с солью и образком.

ЯВЛЕНИЕ I

Старуха Матрена сидит на одной лавке, а на другой баба Спиридоньевна.

Спиридоньевна (глядя в окно). Не видать, баунька... Не чуть еще!

Матрена. Ну, где еще чуть! Поди, чай, дорога-то переметенная, все лошадке-то в упор... Прут, чай, шагом.

Спиридоньевна. Да кто, баунька, стрешником-то к нему поехал?

Матрена. Кто стрешником?.. На чужой уж, мать, подводе поехали; дядя Никон, спасибо, поохотился, нялся за четвертачок да чтобы пивца испить, а то хоть плачь: свой-то вон пес-работник другую неделю заехал на мельницу и не ворочает.

Спирidonъевна. А Лизавета-то, баунька, поехала?

Матрена. Поехала... женино тоже, мать, дело: как было не стретить... О господи, господи... грехи наши тяжкие, свету наши темные.

Спирidonъевна (*ослабляясь*). Опасается она, поди, баунька, его шибко?

Матрена. Как бы, кажись, мать, не опасаться! Человек этакий из души гордый, своебышный... Сама ведаешь, родителю своему... и тому, что ни есть, покориться не захотел: бросивши экий дом богатый да привольный, чтобы только не быть ни под чьим началом, пошел в наше семейство сиротское, а теперь, сам собою раздышамшись, поди, чай, еще выше себя полагает.

Спирidonъевна. Как не полагать! Может, имением своим, сударыня, выше купца какого-нибудь себя ставит. Сказывали тоже наши мужички, как он блюдет себя в Питере: из звания своего никого, почесть, себе и равного не находит... Тоже вот в трактир когда придет чайку испить, так который мужичок победней да попростей, с тем, пожалуй, и разговаривать не станет; а ведь гордость-то, баунька, тоже враг челове-

ский... Может, за нее теперь бог его и наказует; вдруг теперь экую штуку брякнуть ему!

Матрена. А, экую штуку брякнуть!.. Может, и жизни ее не пощадит: немало я над ней, псовкой, выла; слез-то уж ажно нехватает... «Вот, говорю, Ананий Яковлич из Питера съедет; как нам, злодейка, твое дело ему сказывать!» — «Что ж говорит, маменька, не твое горе: я в грехе, я и в ответе».

Спиридоньевна. А ребенок-то где, баунька? Зыбки-то, словно, не видать.

Матрена. В горенку перенесла: вчерасятко-сь целый день с работницей оттапливала; мне ни слова не голчит, а, вестимо, ради того, чтобы не так уж очень прямо кинулся в глаза Ананию Яковличу.

Спиридоньевна. Знает уж он, чай, баунька... Поди, еще в Питере разболтали ему: хорошее-то слово лежит, а дурное-то бежит.

Матрена. Нету, родимушка, нету: тоже кто вот из землячков пойдет, пытала я молить да кланяться, чтобы не промолвились о том. Опасно тоже было: человек еще молодой, живет в Питере, услышамши про свое экое приключение, пожалуй, и сам с круга свернет... Не пожалела она, злодейка, ни моей старости, ни его молодости!

Спиридоньевна. То, баунька, хоть бы с себя теперь взять, — баба еще не перестарок: добро бы она в наготе да в нищете жила, так бы на деньгу кинулась; а то, ну-ка, в холе да в довольстве жила да цвела.

Матрена. Народом это, мать, нынче стало, больно стал не крепок ныне народ: и мужчины и женщины. Я вот без Ивана Петровича... Семь годков он втепору не сходил из Питера... Почти что бобылкой экие годы жила, так и то: лето-то летенско на работе, а зимой за скотинкой да за пряжей умаешься да упаришься, — ляжешь, живота у себя не чувствуешь, а не то чтобы о худом думать.

Спиридоньевна. Это, баунька, что? Кто богу хоть бы этим не противен, царю не виноват; я сама, грешница великая, в девках вину имела, так ведь то дело: не с кем другим, со своим же братом парнем дело было, а тут, ну-ка, с барином... Как только смелости ее хватило... И говорить-то с ними, по мне, — и то стыдобушка!

Матрена (*махнув рукой*). Не знаю, кто уж с кем у них заговаривал... Глупая да старая тоже ныне стала... Этта вот по осени болезнь-то эта со мной была, так и остатки все иззабыла; а тоже помню, как он втепору впервые в избу к нам пришел... Я на голбце лежала, соскочила. «Здравствуйте, говорю, ваше благородие!» А Лизанька-то что-то у печки тут возилась. «Здравствуй, говорит, старуха», и прямо к ней. «Твоими бы руками, Лизавета, надо золотом шить, а не кочергами ворочать. Ишь, говорит, какая ты расхорошая». А она, пес, стоит да ухмыляется ему. Я сглупа тоже поклонилась ему. «Благодарим, говорю, батюшка, покорно за ваше ласковое слово...» С этой, что ли, поры у них и пошло, — прах их знает!

Спирidonьевна. Много у них места-то, баунька, и без твоей избы было. В позапрошлую жниву барская помочь была, коли помнишь... Барин целый день-денской у Лизаветы с полосы не сошел, — все с ней разговаривал.

Матрена (*разводя руками*). Ну вот!

Спирidonьевна (*продолжая*). Да, а тут, как пошабашили, народ тоже подпил: девки да бабы помоложе, мало еще, ксбылы экие, на полосе-то уходились, стали песни петь и в горелки играть. Глядь, и барин к ним пристал: прыгает, как козел, и все становится с твоей Лизаветой в паре и никак ладит, чтоб ее никто не поймал. Дивовали, дивовали мы втепоры: «Чтой-то, мол, это, матоньки мои, барин-то уж очень больно матренину Лизавету ласкает?»

Матрена. Ничего я, мать, не знала и не ведала... Слеп, видно, материнский-то глазок на худое в детках. Как бы не у матери родной, а у свекрови злой жила, так не посмела бы этого сделать. Хошь тоже много спасибо и добрым людям: подвели, может, да подстроили...

Спирidonьевна. Один у нас, голубонька, добрый человек, злодей наш бурмистр Калистрат Григорьич; вся деревня голосит теперь о том, не зажмешь рты-то. Кому теперь, окромя его, наустить господина на женщину замужнюю, а теперь, ну-ка, экими своими услугами да послугами такую над ним силу взял, что на удивленье: пьяный да безобразный, говорят вон дворовые, с праздника откедова приедет, не то,

чтобы скрыться от барских глаз, а только то и орет во все горло: «Мне-ста барин все одно, что младший брат: что я, говорит, задумаю, то он и сделает...» Словно, мать, колдовство какое над ним сотворил, — правотка!

Матрена. Ну, матушка, мудреное ли это колдовство: человек умный, богатый да лукавый! Втепору, как со злодейкой-то моей это приключилось, он приходит ко мне. «Матрена, говорит, у тебя баба без мужа понесла; мотри, чтобы она над собой али над ребенком чего не сделала, — ты за то отвечать будешь». Я так, мать, и ахнула, ничего того не думаячи и не ведаючи; а она, псовка, и входит на эти слова. Я было накинута на нее, а он на меня затопал. «Не трожь, говорит, ее; сам барин про то знает и простил ее».

Спирidonьевна (*взглянув в окно*). Едут, баунька, едут!..

Матрена. Ну вот, слава те, царица небесная! Стать-было: с хлебом и с солью тоже стретить охота.

Берет со стола хлеб и становится против дверей.

Спирidonьевна (*продолжая глядеть в окно*). Рядом, баунька, Ананий-то Яковлич с Лизаветой сидит. На-ка, глянь, под руки ее высадил: таково ласково; ничего еще, сердешный, видно, не знает!

ЯВЛЕНИЕ II

Входит Ананий Яковлев в сибирке хорошего сукна. Лизавета и дядя Никон с кисой на плече.

Дядя Никон. Вот те, баушка, купца питерского привез!.. У меня лошадь важная: сто пудов вали на нее, свезет, — верно.

Ананий Яковлев сначала помолился перед образом, потом поклонился три раза матери в ноги и, приложившись к иконе, поцеловался с ней.

Матрена. Здравствуй, батюшка, сокол мой ясный!
Дядя Никон. Кланяйся, брат Ананий Яковлевич, и мне в ноги; сделай и мне это почтение... (*Берет от Матрены хлеб с солью.*)

Ананий Яковлев (слегка улыбаясь). Что ж, отчего? Можем-с!.. (*Кланяется дяде Никону вполспины, потом целуется с ним.*)

Дядя Никон. Вот это, брат, так... ладно... стариков, брат, уважай... На стариковском, значит, разуме свет держится, аки на китах-рыбах, — верно!

Ананий Яковлев (жене). Возьмите уж и вы-с!
Лизавета, конфузясь, берет хлеб с солью; *Ананий Яковлев* кланяется ей в ноги и потом целует ее.

Матрена (толкая дочь). Поклонись, дура, само то ему в ноги!

Лизавета кланяется; *Ананий Яковлев* поднимает ее и опять целует.

Спирidonъевна (жеманно). Здравствуйте, батюшка Ананий Яковлич, — какой нарядный да хороший стали! Как живете-можете?

Ананий Яковлев. Ничего-с, помаленьку, бог грехам терпит... (Дяде Никону.) Одолжите, пожалуйста, на минуточку кису-то.

Дядя Никон (сбрасывая с плеч кису). Натe вот вам чорта-борова какого... Девки и бабы... значит... иди сюда, лапки! Всем будут подарки...

Ананий Яковлев (вынимая из кисы драдедамовый платок и подавая его матери). Пожалуйте-с!

Матрена (целуя его в локоть руки). Ай, батюшка, благодарствую, красавец мой брильянтовый!

Спирidonъевна. Ну вот, баунька, настоящий тебе старушечий: к лицу будет... оченно пойдет.

Матрена. Нешто, мать!.. Наряжают да ублажают меня, а я, старая, и поблагодарить-то не умею как хорошенько.

Ананий Яковлев (вынимая из кисы кусок шелковой материи и подавая его жене). Это для вас теперь... пожалуйста-с!..

Лизавета молча берет и целует у мужа руку.

Спирidonъевна (рассматривая с завистью подарок Лизаветы). Она, мать, гарнитурь-то какие: мы и не видывали здесь этаких. На-ка, и бархатцу-то на оторочку привез. Словно кукла нарядная, будешь ходить у нас в шелках да в бархате.

Ананий Яковлев (Спирidonъевне). А вас, из-

вните на том, не чаял здесь захватить... Позвольте,
по крайности, хоть полтинничком поклониться... (Дает
ей полтинник.)

Спирidonьевна. Ой, чтой-то, сударь-батюшка!
Очень вами благодарна.. (Целует у него руку.)

Дядя Никон. А мне дяде красной шапки не
привез? Это уж, брат, неладно, — право!

Ананий Яковлев. Ныне народ-то прозорлив
стал, и без красной шапки понимают человека.

Спирidonьевна. Уж именно, сударь!.. Может,
наскрозь видят, кто каков есть человек.

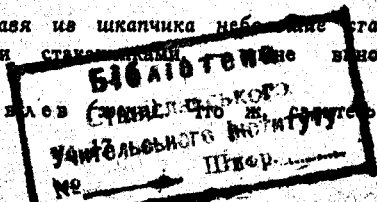
Матрена (зятю). Садись, батюшка, за стол-то.
(Дочери.) Подя там, вынимай из печи-то, что ссызко..

(Спирidonьевне.) Анна Спирidonьевна! Потрапезуй,
матка, с нами.. (Дяде Никону.) Полно, старый зря,
бодаться-то тут тебе, словно мотовило. Залезай в пе-
реходный-то угол.

Дядя Никон (сидясь). Залез, баушка!.. Я те
водки привез, ей-богу! Шельма твой Анашка, цитес-
ский ведь кулак, распоясал мощну на одне пойма-
ны и думает: баста! «Нет, брат, говорю, не ладно!
С тетки матрениным пирогом еще надо водку пить!»
(Вынимает из кармана полуштоф и гладит его.) Воз-
оно, благословенное-то мое!.. Вынимай, баушка, ков-
ши да ендовы!

Матрена (ставя из шкапчика себе чаше стака-
ны). Попьешь и стакашками вино-то
корогой!

Ананий Яковлев (сидя). Что ж, матушка!

вы! Маменька, позвольте им-с! Давно мы рядком-то с ней не сживали.

Матрена (дочери). Садись!

Дядя Никон (первый наливает и пьет). Здравия желаем, с похмелья умираем: нет ли гривен шести, душу отвести...

Матрена (Спиридоньевне). Анна Спиридоньевна, выпей, матушка!

Спиридоньевна. Ой, нет, баушка, не охота что-то.

Матрена. Да полно, чтой-то! Ты попригубь, так, может, и понравится.

Спиридоньевна (выпивая). С Успеньева дня, мать, не пила. Да сама-то ты выпей, хозяйюшка почтенная!

Матрена. О, полно-ка, мать, какая уж я пивица.. (Зятю.) Ты сам-то, батюшка, не выпьешь ли хоть перед хлебом-то с солью?

Ананий Яковлев. Нет-с, благодарю; не имею той привычки.

Дядя Никон. Вот Лизунька так выпьет, потому самому... с радости... муж приехал... веселей, значит, принимать его будет: вино, значит, теперь дух человеку дает, — верно!

Ананий Яковлев. Что им пить. Что это за глупые речи: скучно даже слушать!

Спиридоньевна. Что, батюшка Ананий Яковлич, вологодским трактом, чай, изволил ехать?

Ананий Яковлев. Нет-с, какое тут вологод-

ский? Пустое дело это нынче тракт стал: почесть что заброшен! Теперь чугушка народу тысячи по три зараз везет и словно птица летит: верст по тридцати в час уходит.

Матрена и Спиридоньевна (в один голос). Ой, батюшки, чтой-то? Будто уж и по тридцати верст?

Ананий Яковлев. Это еще не так оченно много... так как, значит, дело еще у нас внове! так опасаются тоже маненько; а что в иностранных землях она и шибче того ходит!.. Теперь хоша бы насчет времени этим большое сбереженье... значит, и на харчах барыш; бока тоже не наломает; сидишь, словно в комнате, не тряхнет, не вальнет: штука отменная-с!

Дядя Никон. Это, брат, я знаю... видал... Теперь тысяча человек едет... махина с дом... а лошадей четверка только везет, ей-богу!.. Потому самому дорога гладкая... по этому... по шоссе идет...

Ананий Яковлев (несколько потупившись). Никакой тут лошади нет-с... ни единой... А ежели и есть какая, так ее самое везут... Вы это, может, дилижанец видали; а чугушка другое дело: тут пар действует.

Спиридоньевна. Да как же это, батюшки, парто? Он у нас токмо что в бане и есетка, да горшки им парить умеем.

Матрена. Дошел, видно, нынче народ до всего.

Дядя Никон. И это, брат, знаю, что ты говоришь, и то знаю!.. А вы уж: ах, их, ух!.. и дивуют... Прямые бабы, право! Митюшка, кузнец, значит, наш, досконально мне все представил: тут не то что выхо-

дит-пар, а нечистая, значит, сила!.. Ей-богу, потому самому, что ажно ржет, как с места поднимает: тяжело, значит, сразу с места поднять. Немец теперь, выходит, самого дьявола к своему делу пригнал. «На-ка, говорит, чорт-дьявол этакий, попробуй — повози!»

Спиридоньевна. Ой, полно-ка, чтой-то все чертыхаешься: нашел место за столом.

Дядя Никон. Ей-богу, так, курносая! А ты что думала: я больше его знаю... что он бахвалит!

Ананий Яковлев (солидно). Никакого тут дьявола нет, да и быть не может. Теперь даже по морской части хошь бы эти паруса али греблю, как напредь того было, почесть что совсем кинули, так как этим самым паром стало непример сподручнее дело делать. Поставят, спокойным манером, машину в нутро корабля; она вертит колеса, и какая ни на есть там буря, ему нипочем. Как теперича стал ветер крепчать, развели огонь посильнее, и пошел скакать с волны на волну.

Матрена. Ничего, мать Спиридоньевна, мы, век-то с тобой изживучи, не увидим.

Спиридоньевна. Какие уж мы, баунька, видалщицы; только на осины да на березы и гляди, сколько хошь... Вон Лизавета, поди, чай, побывает с мужем в Питере, наглядится на все!

Ананий Яковлев. Дяче им не побывать!.. Может быть, даже нынешним годом этот случай приладим. Чем чужую кухарку нанимать, так лучше своя будет.

Лизавета (вспыхивая). Где уж нам, сударь, в Питер ехать: женщины мы деревенские, небывалые, и глядеть мы по-тамошнему не умеем, а не то что говорить.

Ананий Яковлев. Что ж вы так себя очень низко ставите; а как мы тоже Питер знаем, так вам надо быть тамо не из худых, а, может, из самых лучших, по крайности я так, по своему к вам расположению, понимаю.

Дядя Никон. Ты, Анашка, меня, значит, в Питер возьми, ей-богу, так! Потому самому... Я те все документы представить могу. Меня, может, токмо что в деревне родили, а в Питере крестили, — верно! Теперь барин мне, значит, говорит: «Никашка, говорит, пошто ты, старый пес, свои старые кости в заделе ломаешь, — шел бы в Питер». — «Давайте, говорю, ваше высокородие, тысячу целковых; а какой я теперича человек, значит, без денег... какие артикулы могу представить али фасоны эти самые... и не могу».

Ананий Яковлев. В Питере-то и без ваших денег много в кабак уходит... (Обращаясь к Спиридоньевне.) Опять теперь, Анна Спиридоньевна, насчет того же пару...

Спиридоньевна. Да, да, батюшка, голубчик, поговори-ка о хорошем: больно повадно твои умные речи слушать-то.

Ананий Яковлев. Ни одной, почесть, фабрики нет без него. На другую, может, прежде народу требовалось тысячи две, а теперь одна эта самая машина

только и действует. Какие там станы есть али колеса, все одна ворочает: страсти взглянуть, когда вот тоже случалось видать, и человек двадцать каких-нибудь суется промеж всего этого, и то больше для чистоты.

Дядя Никон. Ты теперича, Анашка, говоришь: машина!.. Что такое, значит, машина?

Ананий Яковлев (не обращая на него внимания). Начальство теперь насчет только того в сумнении находится, что дров очень много требуется... леса переводятся... ну, так тоже землю этакую нашли... болотину, значит, с разными этакими кореньями, пнями в ней... все это самое прессуют, сушат, и она гореть может! Каменный уголь тоже из иностранных земель идет и тем большое подспорье для леса делает.

Дядя Никон. Ты не можешь знать, что такое машина, потому самому — ты человек торговый, а человек мастеровой, значит, знает это. Ты теперича знаешь Николу Морского?

Ананий Яковлев (улыбаясь). Как не знать-с: церковь известная.

Дядя Никон. Я теперича эту самую, значит, колокольню щекотурил. Теперича, значит, машина сейчас была не в своем виде, я... трах... упал... сажень сорок вышины было... барин тут из военных был: «Приведите, говорит, его, каналью, в чувство!..» Сейчас привели... он мне два штофа водки дал, я и выпил.

Спиридоньевна. Как ты, старого хрыча, всего не расшибло: с этакой вышины кувыркнулся.

Ананий Яковлев. Верно ли вы расстояние-то промеряли?.. А то словно бы, кажись, как с сорока-то сажень человек слетит, так водки не захочет.

Дядя Никон. О, чорт-дьявол, право! Не захочет?.. захотел же! Вот и теперь выпью,— верно!.. (Пьет.) В главнокомандоческом тоже доме графа Милорадыча, в зале с двойным просветом, карниз выводили, так тоже надо было, паря, каждую штуку по-трафить. Я как теперича на глазомер прикинул, так и ставь тут: верно будет.

Ананий Яковлев. Всему делу, выходит, уставщик вы были?

Дядя Никон. Был, брат, я совсем... Теперича, что такое, значит, мастеровой человек али купец? Я теперича свое дело в своем виде представить должен... А что теперича торговый?.. Торговый человек... на вот тебе, значит, на грош говядинки купил, а на гривну продал... торговый человек, значит, плут!

Ананий Яковлев. За что же вы так все звание порочите; мы тоже места имеем; раз обманул, так другой и брать не станут.

Дядя Никон. Не станут, да! Что такое теперь, значит, купец? Мыльный пузырь! — трах! ткнул его пальцем — и нет его! А мастеровой человек... Графу Милорадычу теперь надо коляску изготовить, платье себе испощить, супруге своей подарком какую-нибудь вещь сделать,— мастеровой человек и будь готов, сейчас команда: «пошел во дворец!» — и являйся.

Ананий Яковлев. Нет-с, это словно бы не

так! Торговый человек завсегда должен паче себя наблюдать, чем мастеровой. У нас теперь по нашей разносной торговле, может, праздника христового нет, все мы перед публикой на глазах быть должны, а мастерового человека мы тоже знаем! Шесть дней поработал, а седьмой, пожалуй, и в кабаке за бочкой проваляется.

Дядя Никон. Никогда этого не может быть. Я теперича мастеровой человек, а уж бабе меня не надуть,— шалишь!

Все бабы бледнеют; Никон тянется за водкой.

Спиридоньевна (не давая ему). Полдюка, полно, старый пес, и то уж налопался: говоришь не знаемо что.

Матрена. Шел бы, батюшка старичок, домой... тоже умаялся, чай, с дороги. Из кушанья ничего уж не будет, извини на том!

Дядя Никон (не обращая ни на кого внимания). У меня теперь, слава те господи, полна изба ребят, а все мои, никонычи, как раз так пригнано,— верно! А у торгового человека, может... да... торговому, видно, во всем от бар счастье, и тут лишняя копейка даром перепала.

Ананий Яковлев. К чему же это вы речь вашу такую клоните? Мудрено что-то уж очень заговорили.

Лизавета и Матрена сидят как полумертвые.

Спирidonъевна. О, мелево, мелево и есть человек! За хозяйским кушаньем сидит, хозяйское вино пьет, а только обиды экие говорит,— глупая башка этакая.

Дядя Никон. Что ж сидит? Я и встану... (Встает из-за стола.) За что он теперь сердце мое раздражает? Что он за человек теперь выходит, коли я одним словом его оконфузить могу?

Ананий Яковлев. Какое же это слово такое, чтоб оконфузить меня?

Дядя Никон. Слово— да! Что ты, купец али генерал?.. Барский свояк ты и больше ничего... Чей у тебя ребенок, ну-ка, говори!.. В том, значит, только и счастье твое, что твоя коренная у барина на пристяжке пошла, право, черти, дьяволы экие!..

ЯВЛЕНИЕ III

Те же без Никона.

Ананий Яковлев (стремительно вставая из-за стола). Фу, ты, господи, твоя воля! За что это человек облаял, обнес тебя экими словами?

Спирidonъевна (струся). Пора однакоче домой. Прощай, баушка Матрена!.. Прощай, Лизавета Ивановна!.. Прощайте, батюшка Ананий Яковлич!

Ананий Яковлев (торопливо). Прощайте-с!

Спирidonъевна уходит.

(Теще.) Что это, маменька, за слова обо мне?

Матрена (*помолчав*). Ну, батюшка, изволил, чай, слышать.

Ананий Яковлев. Про какого он это тут ребенка болтал?

Матрена. Может статься, про лизаветина паренька говорил.

Ананий Яковлев (*побледнев*). Про какого это лизаветина паренька?

Матрена. Паренек у нее... полутора месяца теперь.

Ананий Яковлев. А! Дело-то какое... (*Матери*) Теперь, маменька, значит, повыдьте маненько.

Матрена. Помилуй, батюшка, ты ее хоть сколько-нибудь!.. Накажи ты ее сколько хешь: пусть год-годенской пролежит!.. Не лишай ты только ее жизни, не ради ее самое, злодейки, а ради своей головушки умной да честной... (*Кланяется ему в ноги*.)

Ананий Яковлев (*поднимая ее*). Нет, ничего-с, пожалуйста только, повыдьте-с.

ЯВЛЕНИЕ IV

Ананий Яковлев и Лизавета. Некоторое время продолжается молчание; Ананий Яковлев смотрит Лизавете в лицо; та стоит, опустив глаза в землю.

Ананий Яковлев. Что ж это вы тут понаделали, а?

Лизавета молчит.

Говорите же! Отвечайте хоша что-нибудь!..

Лизавета. Что мне говорить?.. Никаких я супротив вас слов не имею. Какая есть ваша воля надо мной, такая и будет.

Ананий Яковлев (*усмехаясь злобно*). Гмм... воля моя!.. (*Приосанившись.*) С кем же это, выходит, любовь ваша была?

Лизавета. Никон Семеныч говорил вам. Что ж? Слова их справедливые были.

Ананий Яковлев. Ничего я его глупых слов не понял!.. (*Опять молчание.*) Он тут про барина что-то болтал.

Лизавета. А кто же, окромя их?.. Они самые.

Ананий Яковлев. Да, так вот оно куды пошло. В высокое же званье вы залезли!

Лизавета. Не по своей то воле было: когда тоже стали повеленья и приказанья эти делать, как было послушаться?

Ананий Яковлев. Какие же это могли быть повеленья и приказанья? Ежели теперича, как вы говорите, силой вас к тому склоняли... что же мать ваша, потатчица, смотрела? Вы бы ей сейчас должны были объявление сделать о том.

Лизавета. Ничего маменька про то не ведала: могла ли я, ради стыда одного, говорить им про то? Только бы их под гнев подвела. Какая могла от них помощь в том быть?

Ананий Яковлев. Ах ты, лукавая бестия! Коли ты теперича так мало чаяла помощи в твоей

матери, дляче ж мне не написала про то? Это дело столь, значит, дорого и чувствительно для души моей, что я, может, бросимши бы все в Питере, прискакал сюда честь мою соблюсти... Теперь тоже, сколько ни велика господская власть, а все-таки им, как и другим прочим посторонним, не позволено того делать. Земля наша не бессудная: коли он теперича какие притеснения стал делать, я бы, может, и до начальства дорогу нашел, — что ж ты мне, бестия, так уж очень на страх-то свой сворачиваешь, как бы сама того, срамовщица, не захотела!

Лизавета (*начиная плакать*). Ни на что я не сворачиваю; а что, здесь тоже живучи, что мы знаем? Стали страшать да пужать, что все семейство наше через то погибнуть должно: на поселенье там сошлют, а либо вас, экого человека, в рекруты сдадут. Думала, чем собой других подводить, лучше на себе одной все перенести.

Ананий Яковлев (*ударив себя в грудь*). Молчи уж, по крайности, змея подколотная! Не раздражай ты еще пуще моего сердца своими пустыми речами!.. Только духу моего теперь нехватает говорить с тобою как надо. Хотя бы и было то, чего ты, вишь, очень уж испугалась, меня жалеючи, так и то бы я легче вынес на душе своей: люди живут и на поселеньях; по крайности я знал бы, что имя мое честное не опозорено и ты, бестия, на чужом ложе не бесчещена!

Лизавета продолжает плакать.

(Начав ходить по избе.) То мне теперича горчей и обидней всего, что, может, по своей глупой заботливости, ни дня, ни ночи я не прожил в Питере, не думаячи об вас; а мы тоже время свое проводим не в монастырском заточении; хоша бы по той же нашей разносной торговле — все в народе; нашлись бы там не хуже тебя, криворожей, из лица; а обращеньем, пожалуй, и чище будут... за какие-нибудь три целковых на худое-то с тобой бы пошли, так я и то — помыслом моим, а не то что делом — не хотел вниманья на то иметь, помня то, что я человек семейный и христианин есть!

Лизавета. Жимши за экие дальние места, экие годы, станете ли без бабы жить? Как я могла то знать?

Ананий Яковлев. Нет, ты знала это, шельма, бесстыжая! Коли бы я теперича на стороне какое ба-ловство имел, разве я стал бы так о доме думать? Кажись, ни письмами, ни присылами моими забыты не были. О последней сохе писал и спрашивал: есть ли она да исправлена ли?

Лизавета. Голова моя не с сего дня у вас все повинна и лежит на плахе: хотите — рубите её, хотите — милуйте.

Ананий Яковлев. Твоя, вишь, повинна, а ты чужую взяла да с плеч срезала, и, как по чувствам моим, ты теперь хуже дохлой собаки стала для меня: мать твоя справедливо сказала, что, видишь, вон на столе этот нож, так я бы, может, вонзил его в грудь твою, кабы не жалел еще маненько самого себя; какой-

нибудь теперича дурак — сродственник ваш, мужичонка — гроша не стоящий, мог меня обнести своим словом, теперь ступай да кланяйся по всем избам, чтобы взглядом косым никто мне не намекнул на деянья твои, и все, что кто бы мне ни причинил, я на тебе, бестии, вымещать буду; потому что ты тому единая причина и первая, значит, злодейка мне выходишь... Ну, нюнить еще!.. Пока не бьют и не тиранят, сколько ни достойна того... В жизнь свою, господи, никогда не чаял такой срамоты и поруганья... Ну-ка, сказывай, придумывай-ка, что тут делать, бестия ты этакая!.. *(Садится за стол и закрывает лицо руками; молчание. Вставая.)* Одного стыда людского теперь обегаячи, за неволю на себя все примешь; по крайности для чужих глаз сделать надо, что ничего аки бы этого не было: ребенок, значит, мой, и ты мне пока жена честная! Но ежели что, паче чаяния, у вас повторится с барином, так легче бы тебе... слышишь ли; голос у меня захватывает!.. легче бы тебе, Лизавета, было не родиться на белый свет! Кому другому, а тебе пора знать, что я за человек: ни тебя, ни себя, ни вашего поганого отродья не пощажу, так ты и знай то!.. Это мое последнее и великое тебе слово!..

ЯВЛЕНИЕ V

Те же и работница.

Работница *(приотворив двери и заглядывая в ивбу)*. Лизавета Ивановна, поди, мать, покорми ре-

бенка-то грудью; а то соски никак не берет: совала, совала ему... окоченел ажно, плакамши.

Ананий Яковлев вздрагивает; Лизавета не трогается с места.

Ананий Яковлев. Что ж ты сидишь тут? Ну! Еще привередничает, шкура ободраная. Сказано тебе мое решенье,— пошла!..

Лизавета молча уходит.

ЯВЛЕНИЕ VI

Ананий Яковлев (*ударив себя в грудь*). Царь небесный только видит, сколько, значит, вся внутренность моя теперь облилась кровью черною!..

ЗАНАВЕС ПАДАЕТ

Действие второе

Деревенский помещичий кабинет.

ЯВЛЕНИЕ I

Челлов-Соковин, худой и измученный, в толстом байковом сюртуке, сидит, потупивши голову, на диване. Развалясь, в креслах помещается Золотилов, молодой, разгульный, с несколькими ленточками в петлице и со множеством брелоков на цепях.

Золотилов. Как ты хочешь, друг любезнейший, а я никак не могу уложить в своей голове, чтобы из какой-нибудь крестьянки можно было так тревожиться.

Чеглов (с горькой усмешкой). Что ж тут непонятного?

Золотилов. А то, что подобные чувства могут внушать только женщины, равные нам, которые смотрят одинаково с нами на вещи, которые, наконец, могут понимать, что мы говорим. А тут что? Как и чем какая-нибудь крестьянская баба могла наполнить твое сердце?.. От них, любезный, только и услышишь: «Ах ты, мой сердешненькой, ах ты, мой милесенькой!..» Отцы наши, бывало, проматывались на цыганок; но те, по крайней мере, женщины страстные, а ведь наша баба — колода неотесанная: к ней с какой хочешь относись страстью, она преспокойно в это время будет ковырять в стене мох и думать: подаришь ли ты ей новый плат?.. И в подобное-то полуживотное влюбиться?

Чеглов (с досадой). Что ж ты мне все этой любовью колешь глаза? Какое бы ни было вначале мое увлечение, но во всяком случае я привык к ней; наконец, я честный человек: мне, бог знает как, ее жаль, видя, что обстоятельства располагаются самым страшным, самым ужасным образом.

Золотилов. Ничего я в твоих обстоятельствах не вижу ни страшного, ни ужасного.

Чеглов. А муж теперь пришел: кажется, этого достаточно!

Золотилов. Что ж такое, что пришел?

Чеглов. Как что такое? Ты после этого отнимешь у этих людей всякое чувство, всякий смысл? Должен же он узнать?

Золотилов. Ну, и узнает и очень еще, вероятно, будет доволен, что господин приласкал его супругу.

Чеглов (делая нетерпеливое движение). Это вы бываете довольны, когда у вас берут жен, кто выше вас, а не мужики.

Золотилов. Да... ну, я этого не знаю. Во всяком случае, если бы твой риваль даже и рассердился немного, ну, поколотит ее, может быть, раз-другой.

Чеглов. Не говори так, бога ради, Сергей Васильич: к больным ранам нельзя так грубо прикасаться. У меня тут, наконец, ребенок есть, моя плоть, моя кровь: поймите вы хоть это по крайней мере и пощадите во мне хоть эту сторону!.. (Подходит и пьет водку.)

Золотилов. Что ж такое ребенок? Я и тут не вижу ничего, что могло бы так особенно тебя тревожить; вели его взять хоть к себе в комнаты, а там поучишь, повоспитаешь его, сколько хочешь, запишешь в мещане или в купцы, и все дело кончено.

Чеглов. В том-то и дело, милостивый государь, что эта женщина не такова, как вы всех их считаете: когда она была еще беременна, я, чтоб спасти ее от стыда, предлагал было ей подкинуть младенца к бурмистру, так она и тут мне сказала: «нет, говорит, барин, я им грешна и потерпеть за то должна, а что отдать мое дитя на маяту в чужие руки, не потерпит того мое сердце». Это подлинные ее слова.

Золотилов. Слова очень понятные, потому что, отними ты у нее ребенка, ваши отношения всегда бы могли быть кончены; а теперь напротив: муж там побранит ее, пощелкает, а она все-таки сохранит на тебя

право на всю твою жизнь. Я очень хорошо, поверь ты мне, милый друг, знаю этот народ. Они глупы только на барском деле; но слишком хитры и дальновидны, когда что коснется до их собственного интереса.

Чеглов (хватая себя за голову). Чувствуешь ли, Сергей Васильич, какие ты ужасные вещи говоришь и каким отвратительным тоном Тараса Скотинина?

Золотиллов. Я очень хорошо, любезный друг, знаю, что тон мой не должен нравиться: но что делать? Я имею на него некоторое право, как муж твоей сестры, которая умоляла меня, чтоб я ехал образумить тебя.

Чеглов. В чем же вам угодно образумить меня с сестрой моей?

Золотиллов. В том, что ты страдаешь бог знает от чего. Взгляни ты на себя, на что ты стал похож. Ты изнурен, ты кашляешь и кашляешь нехорошо. Наконец, милый друг, по пословице — шила в мешке не утаишь, — к нам отовсюду доходят слухи, что ты пьешь. Я к тебе приехал в одиннадцатом часу, а у тебя уж водка на столе стоит; ты вот при мне пьешь третью рюмку. Так нам это очень грустно, и я убежден, что эта госпожа поддерживает в тебе эту несчастную склонность, чтобы ловчей в мутной воде рыбу ловить.

Чеглов. Что я пью и очень много, это величайшая истина; но, чтобы эта женщина поощряла меня к тому, это новая, низкая клевета ваших барынь-вестовщиц, — так и скажите им!

Золотилов. То-то, к несчастью, не клевета, а сущая истина, в которой, впрочем, и обвинять тебя много нельзя, потому что в этой проклятой деревенской жизни человеку в твоём возрасте, при твоём состоянии, с твоим, наконец, образованием, что тут и какое может быть занятие?

Чеглов. А какое же, по вашему мнению, я в городах мог бы найти себе занятие?

Золотилов. Во-первых, ты должен был бы служить. Не делай, пожалуйста, гримасы... я знаю всех вас фразу на это: «Служить-то бы я рад, подслуживаться тошно!» Но это совершенный вздор. Все дело в лени и в самолюбии: как-де я стану подчиняться, когда начальник не умней, а, может быть, даже глупее меня! Жить в обществе по-вашему тоже пошло, потому что оно, извольте видеть, ниже вас.

Чеглов. Действительно ниже!

Золотилов. Положим, так: но вот ты закабалился в деревню; занялся ли, по крайней мере, хозяйством тут?

Чеглов. Так хозяйничать, как вы, я не могу!

Золотилов. Что ж ты можешь после того делать? Заниматься только любовью к прекрасной поселянке? Но хуже всего, что в этом положении, когда оно начинает тебе казаться несколько щекотливым, ты, чтобы заглушить в себе это, предался еще худшему пороку и, по твоему слабому здоровью, совершаешь над собой решительное самоубийство... Не ты первый и не ты последний из молодежи пример тому,— поверь

ты мне: я вот теперь третье трехлетие служу предводителем и на каждом шагу вижу, что, как только дворянин приблизил к себе подобную госпожу, из этого сейчас же все является: и пьянство, и домоседство, и одичалость. Собственно говоря, господи боже мой, ни я, ни сестра твоя ни слова не говорим про твою связь: имей их хоть двадцать, но только смотри на это иначе.

Чеглов (с горькой улыбкой). Как же это иначе, вот этого я не понимаю.

Золотиллов. А так, как все смотрят. И, чтоб успокоить тебя, я приведу свой собственный даже пример, хоть это и будет не совсем скромно... (Вполголоса.) Я вот женатый человек и в летах, а может быть, в этом отношении тоже не без греха; однако чрез это ни семейное счастье наше с твоей сестрой не расстроено, ни я, благодаря бога, не похудел, не спился, и как-то вот еще на-днях такого рода особа вздумала перед женой нос вздернуть,—я ее сейчас же ограничил: знай сверчок свой шесток!

Чеглов. Ну, вы можете смотреть и понимать, как знаете, а я смотрю... Постой, однако, там кто-то есть... Шороху каждого боюсь,—вот мое положение!.. Кто там?

ЯВЛЕНИЕ II

Те же и бурмистр.

Бурмистр (показываясь). Я-с это!

Чеглов (с беспокойством). А, Калистрат, здравствуй! Что ты?

Бурмистр. Да так, ничего-с, доложить только пришел: Ананий Яковлев там из Питера сошел.

Чеглов. Да, знаю! Ну, что же?

Бурмистр. *(почесав голову)*. Очень уж безобразничает. Баба-то со мной пришла: урвалась как-то...

Чеглов. Ах, да позови ее... *(Хватает себя за голову.)* Господи боже мой!

Бурмистр. *(наклоняя голову за двери)*. Ступайте!.. Что? Да ничего, полноте!

Чеглов. Что она?

Бурмистр. Робеет войти-то... «Чужой, говорит, господин тут».

Чеглов. Ничего, Лиза, поди!.. это брат мой: он все знает.

Золотилов. Не стыдись, любезная, не стыдись... люди свои.

Лизавета робко показывается.

Чеглов. *(дотрагиваясь до ее плеча)*. Ну, поди, садись!.. Что твой злодей?

Лизавета. *(садясь и опуская руки)*. Что, барин... Известно что!

Чеглов. Что же такое?

Лизавета. Собирается тиранить. Пропала, значит, моя головушка совсем, как есть!

Чеглов. Говорила ли ты ему на меня, что я во всем виноват?

Лизавета. Говорила... пытала ему по вашим словам лгать: так разве верит тому?

Золотиллов (*Лизавета*). Каким же это образом он тиранить тебя хочет? (*Чеглову.*) Elle est très jolie.

Лизавета. Не знаю, сударь... только то, что очень опасно теперь, третью ноченьку вот не спим; как лютый змей сидит да глядит мне в лицо: словно умертвить меня собирается,—очень опасно!

Чеглов. Это ужасно, ужасно!

Бурмистр. Как же это может он сделать? Владимирка-то у нас указана про всех этаких — знает то!

Лизавета. Что ему то?.. Кабы он был человек легкий, сорвал с своего сердца да и забыл про то; а он теперь, коли против какого человека гнев имеет, так он у него, как крапива садовая, с каждым часом и днем растет да пуще жжется.

Золотиллов. Скотина какая, скажите!

Чеглов разводит только руками.

Бурмистр. Это доподлинно так-с: человек ехидный!.. У нас и вообще народ грубый и супротивный, а он первый на то из всех из них. Какой-нибудь год тогда в деревне жил, так хоть бросай я свою должность: на миру слова не давал мне сказать: все чтоб его слушались и по его делали.

Лизавета. Теперь главное то, барин, пугает он меня, что в Питер меня с младенцем увезти ладит; а пошто мы ему?.. Чтобы мученья да притеснения терпеть от него!

Чеглов (*закидывая голову назад*). Нет, я не допущу этого; суди меня бог, а я не допущу того!

Лизавета. А мне его ничего не жаль; он теперь говорит, что я ему хуже дохлой собаки стала, то забываячи, что как под венец нас везли, так он, може, был для меня таким. По сиротству да по бедности нашей сговорили да скрутили, словно живую в землю закопали, и вся теперь ваша воля, барин: не жить мне ни с ним, ни при нем... какая я теперь ему мужнина жена?.. *(Начинает плакать.)*

Бурмистр. Никогда он, коли паспорта выдано не будет, не может увезти ни тебя, ни сына. Что тебе этим хоша бы себя и барина тревожить. За беглых, что ли, он вас представить хочет? Вот тут другой помещик сидит, тот тебе то же скажет.

Золотилов *(Лизавете)*. Разумеется, не может, и посмотри: какие у тебя славные глаза, а ты плачешь и натрудняешь их.

Лизавета. Ой, сударь, до глаз ли теперь!.. какая уж их красота, как, может, в постелю ложимшись и поутру встаючи, только и есть, что слезами обливаешься; другие вон бабы, что хошь, кажись, ни потверится над ними, словно не чувствуют того, а я сама человек непереносливый: изныла всей своей душенькой с самой встречи с ним... что-то хожу на свете белом, словно шальная... подвалит под сердце,— вздохнуть не сможешь, точно смерть твоя пришла!.. *(Продолжает истерически рыдать.)*

Чеглов *(подходя и беря ее за руку)*. Послушай, не плачь, бога ради.

Лизавета. Как, барин, не плакать-то. Его теперь

одно намеренье, чтобы как ни на есть, а отлучить меня от вас и при себе держать, а я не хочу того... не желаю... не хочу! Он мне теперь, бог знает, супротивней чего выходит: хоша бы и на худое тогда шла всамотко не из-под страху какого, разве вы у нас такой? Может, как вы еще молоденьким-то сюда приезжали, так я заглядывалась и засматривалась на вас, и сколько много теперь всем сердцем своим пристрастна к вам и жалею вас, сказать того не могу, а мое такое теперь намеренье, барин... пускай там, как собирается: ножом, что ли, режет меня, али в реке топит, а мне либо около вас жить, либо совсем не быть на белом свете: как хотите, так и делайте то!

Чеглов. Знаю все, милая моя, все знаю... но я, видишь ли, я ничтожнейшее существо, я подлец! Господи, пошли мне смерть!.. *(Всплескивает руками и начинает в отчаянии ходить по комнате.)*

Лизавета смотрит на него с испугом.

Золотилов (Чеглову). Чтой-то, помилуй, братец: будь же хоть сколько-нибудь мужчиной!.. Смешно, наконец, на тебя смотреть.

Бурмистр (пожимая плечами). Седьмой десяток теперь живу на свете, а таких господ не привидывал, ей-богу: мучат, терзают себя из-за какого-нибудь мужика — дурака необразованного. Ежели позвать его теперь сюда, так я его при вас двумя словами обрзоню. Вы сами теперь, Сергей Васильич, помещик и извольте знать, что мужику коли дать поблажку,

так он возьмет ее вдвое. Что ему так оченно в зубы-то смотреть?.. Досконально объяснить ему все, что следует, и баста: должен слушаться, что приказывают.

Золотилов (пожимая плечами). Ей-богу, не знаю... Конечно, уж если так, так лучше с ним прямо говорить... Как только это для нее будет?

Лизавета. А что мне, сударь, таиться перед ним?.. не желаю я того; а что тоже, может, что не молвит Калистрат Григорьич, коли барин сами ему поговорят, так он и поиспужается маненько.

Чеглов. Извольте, я готов... Я переговорю с ним совершенно откровенно. Сейчас же позовите его. Позови его, Калистрат.

Бурмистр. Слушаю-с; ее-то, по первоначально, надо убрать. Подите к старухе моей, скажите, чтоб она сбегала и послала его сюда, а сами хошь у нас там, что ли, поспрятайтесь.

Лизавета (вставая). Пробегу задами-то, не увидит. Прощайте, голубчик барин!.. (Целует Чеглова и идет, но у дверей приостанавливается.) Я, может, ужотатка, как за коровами пойду, так зайду сюда; а то не утерпит без того сердце мое.

Чеглов. Ну да, хорошо.

Лизавета (Золотилкову). Прощайте и вы, сударь
Золотилов. Прощай, прощай, моя милая.

Лизавета уходит.

ЯВЛЕНИЕ III

Золотилов (*Чеглову*). Elle est très jolie, vraiment...
Что же, однако, вы с этим господином говорить будете?

Бурмистр. Говорить с ним то, что, во-первых, он на деньги человек жадный: стóит теперь ему сказать, что барин отпускает его без оброка, и там, ежели милость еще господская будет... так как они насчет покосу у нас все очень маются,—покосу ему в Филинской нашей даче отвести, значит, и ступай с богом в Питер,—распоряжайся собой, как знаешь! А что насчет теперь хозяйки... так как у ней ребенок есть... барин не желает, чтобы он куда отлучен был от нее... и кто теперь, выходит, окромя матери может быть приставлен к своему дитю, и каким же манером ему брать ее с собой,—невозможно-с!

Чеглов (*с досадою перебивая его*). Знаю я, любезный, без твоих советов, как говорить.

Бурмистр (*в свою очередь перебивая его*). Мало, сударь, знаете,—извините меня на том; очень мало знаете все эти порядки!.. (*Обращаясь к Золотилкову*.) Вот вы, Сергей Васильич, братец теперь ихний, может, не поговорите ли им да не посоветуете ли: теперь, через эту ихнюю самую доброту, так у нас вотчина распущена, что хошь махни рукой; баба какая придет притворится хилой: «Ай, батюшка, родименькой, уволь от заделя!...» — «Ступай, матушка, будь слободна на всю жизнь!...» — того не знаячи, что вон и медведи

представляют в шутку, как они на заделье идут, а с заделья бегут. Мужик какой-нибудь, шельма, пьяница, без креста из Питера сойдет: вместо того, чтобы с него втрое спросить за провинность — «дать, говорит, ему льготу на два года; пускай поправляется».

Золотилов. Это значит — прямо баловать народ!

Бурмистр. Да как же, сударь, не баловать, помилуйте! Дворян теперь тоже: то папенькин камердинер, значит, и все семейство его палец о палец не ударит, то маменькина ключница, и той семья на том же положении. Я сам, господи, одному старому господину моему служил без году пятьдесят годов, да что ж из того?.. | Должен, сколько только сил наших хватает, служить: и сам я, и жена-старуха, и сын, али дочь, в какую только должность назначат! Верный раб, и по святому писанию, не жалеет живота своего для господина.

Лакей (входя). Ананий Яковлев там пришел: спрашивать, что ли, вы изволили его.

Чеглов. Зови!..

Лакей уходит.

(Золотилкову.) Я просил бы тебя, Сергей Васильич, выйти.

Золотилов. Уйду, не беспокойся!.. *(Идет, но приостанавливается.)* Зачем же водку-то пить!.. *(Пожав плечами, уходит.)*

Из других дверей входит Ананий Яковлев.

ЯВЛЕНИЕ IV

Чеглов, бурмистр и Ананий Яковлев.

Чеглов. Здравствуй, Ананий.

Ананий Яковлев (*молча кланяется и кладет на стол деньги*). Оброк-с.

Чеглов. Не хлопочи!.. (*Помолчав.*) Хорошо нынче торговал?

Ананий Яковлев. Была торговля-с!

Чеглов. Все по дачам?

Ананий Яковлев. По дачам летом только-с.

Бурмистр. Им в Питере хорошо: денег, значит, много... пища тоже все хорошая, трактирная... вина вволю... раскуражил сейчас сам себя и к барышням поехал: бабы деревенские и наплевать, значит, выйдут... Хорошо тамotka, живал я тоже, — помню еще маненечко!

Ананий Яковлев. У кого блажь в голове сидит, так тому и здесь хорошо: может, ни с одного праздника не вернется, не нарезамшись, а заботливому человеку и в Питере не до гульбы.

Чеглов (*стремительно*). Дело в том, Ананий, я призвал тебя потолковать: наши отношения, в которых мы теперь стоим с тобой, ты, вероятно, знаешь, и первая просьба моя: забудь, что я тебе господин, и будь совершенно со мной откровенен. Как всех я вас, а тем больше тебя понимаю, Калистрат Григорьев может засвидетельствовать.

Бурмистр. Всегда и каждому могу засвидетель-

ствовать; а он и сам мужик умный, может рассудить ваши слова милостивые.

Ананий Яковлев. Что мне тут рассуждать, коли я ничего не понимаю и, может, понимать того не хочу, к чему теперича один пустой этот разговор итти может... Нечего мне тут понимать!

Чеглов. Разговор этот, рано ли поздно ли, должен был бы притти к тому, и я опять тебе повторяю, что считай меня в этом случае совершенно за равного себе, и если я тебя обидел, то требуй какое хочешь удовлетворение! Будь то деньгами, и я сейчас перезакладываю именье и отдам тебе все, что мне выдадут...

Ананий Яковлев (*после некоторого молчания*). Я хотя, сударь, и простой мужик, как вы, может, меня понимаете, однакоже чести моей не продавал ни за большие деньги, ни за малые и разговора того, может, и с глазу на глаз иметь с вами стыдился, а вы еще меня при третьем человеке в краску вводите: так господину делать нехорошо...

Чеглов. Третий человек тут ничего не значит,— это один только ложный стыд.

Бурмистр. Чем же я те тут поперек горла стал: коли господин мне доверье делает, как же ты можешь лишать меня того?

Ананий Яковлев. Всегда могу! Я, хоша и когда-нибудь, немного вам разговаривать давал: забыли, может, чай, межевку-то, как вы с пьяницей-землемером, за штоф какой-нибудь водки французской, всю

вотчину было продали,— барин-то известен про то! А что теперешнее дело мое, коли на то пошло, оно паче касается меня, чем самого господина, и я завсегда вам рот зажму.

Бурмистр. К какому слову ты тут межевку-то приплел? Что ты мне тем тычешь в глаза? Коли ты знал, дляче же ты втепоры барину-то не докладывал? Только на миру вы, видно, горло-то переедать люты, а тут, как самому пришло... узлом, так и на других давай сворачивать... Что, я в твоём деле причинен?

Ананий Яковлев. Знаю я.

Бурмистр. Знаешь?.. Да!

Чеглов (перебивая его). Молчи, Калистрат! Дело в том теперь, Ананий, я человек прямой и решился с тобой действовать совершенно откровенно; ты, говорят, хочешь взять с собой в Петербург жену и ребенка?

Ананий Яковлев (поблуднев еще более). Ежели, сударь, вам уж, значит, должно и про то, так тем паче я имею на то мое беспременное намеренье.

Чеглов. А ежели это именно одно, чего я не могу позволить тебе сделать!

Ананий Яковлев. Никак нет-с. Когда я, значит, за себя и за жену оброк, хоша бы двойной, предоставляю, кто ж мне может препятствовать в том?..

Чеглов (ударив себя в грудь). Я, слышишь ли, Ананий, я! И тем больше считаю себя вправе это сделать, потому что жена твоя не любит тебя.

Ананий Яковлев. Это уж, сударь, мое дело заставить там ее, али нет, полюбить себя.

Чеглов. А мое дело не допустить тебя ни до чего... ни до иоты. Скрываться теперь нечего, и она, бедная, даже не желает того. Тут, видит бог, не только что тени какого-нибудь насилия, за которое я убил бы себя, но даже простой хитрости не было употреблено, а было делом одной только любви: будь твоя жена барыня, крестьянка, купчиха, герцогиня, все равно... и, если в тебе оскорблено чувство любви, чувство ревности, вытянем тогда друг друга на барьер и станем стреляться: другого выхода я не вижу из нашего положения.

Ананий Яковлев. Ваши слова, сударь, я за один только смех принять могу: наша кровь супротив господской ничего не стоящая, и мы наказание только потерпеть за то можем.

Чеглов. Отчего ж? Нисколько. Ты будешь прав, как муж, я прав... пойми ты, Ананий, у меня тут ребенок, он мой, а не твой, и, наконец, даю тебе клятву в том, что жена твоя не будет больше моей любовницей, она будет только матерью моего ребенка— только! Но оставить в твоей власти эти два дорогие для меня существа я не могу, понимаешь ли ты, не могу!

Ананий Яковлев. Коли теперича жена моя, и ребенок, значит, мой. Бог соединил, человек разве разлучает? Кто же может сделать то?

Чеглов. Я!.. Повторяю тебе, я! И считаю это

долгом своим, потому что ты тиран: ты женился на ней, зная, что она не любит тебя, и, когда она в первое время бегала от тебя, ты силою вступил в права мужа; наконец, ты иезуит: показывая при людях к ней ласковость и доброту, ты мучил ее ревностью—целые ночи грыз ее за какой-нибудь взгляд на другого мужчину, за вздох, который у нее, может быть, вырвался из нелюбви к тебе,—я все знаю.

Ананий Яковлев. Позвольте, судары! Коли те-перича эта бесстыжая женщина, окромя распутства, меня оглашает и порочит каждому стречному, так я, может, и не то еще с ней сделаю.

Чеглов. Ничего ты с ней не сделаешь. Только перешагнув через мой труп, ты разве можешь что-нибудь сделать. Я вот, Калистрат, тебе поручаю и прошу тебя: сделай ты для меня это одолжение—день и ночь следи, чтоб волоса с головы ее не пало. Лучше что хотите надо мной делайте, чем над нею... она дороже мне жизни моей, так вы и знайте, так и знайте!.. (Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ V

Бурмистр и Ананий Яковлев.

Бурмистр. Дурак-мужик, дурак, а еще питерец—право! Господин хочет ему сделать экие милости, а он ну-ка!

Ананий Яковлев. Может, тебе такие милости надо, а я не прошу их.

Бурмистр. Какие же тебе-то надо, султан великий? Другой мужик из того бы, что без оброку отпускают, готов был бы для господина сделать во всем удовольствие; а тут человека хотели навек счастливым сделать, хоша бы в том-то, сколько велика господская милость, почувствовал, образина этакая чухонская!

Ананий Яковлев. Я еще даве, Калистрат Григорьев, говорил тебе не касаться меня. По твоим летам да по рассудку тебе на хорошее бы надо наставлять нас, молодых людей, а ты к чему человека-то подводишь! Не мне себя надо почувствовать, а тебе! Когда стыд-то совсем потерял, так хоть бы о седых волосах своих вспомнил: не уйдешь от могилы-то, да и на том свете будешь... может, и огня-то там не достанет такого, чтобы прожечь да пропалить тебя за все твои окаянства!

Бурмистр. Какие ж мои окаянства? Что потачки вам не даю, вот вас всех злоба за что,— и не дам, коли поставлен на то! Старым господам вы, видно, не служивали, а мы им служили,— вот ведь оно откедова все идет! Ни одна тенерича шельма из вас во сне грозы-то такой не видывала, как мы кажинный час ждали и чаяли, что вот разразится над тобой. Я в твои-то года, ус-то и бороду только что нажимши, взгляду господского немел и трепетал, а ты чего только тут барину-то наговорил,— припомни-ка, башка твоя глупая.

Ананий Яковлев. Может, вам так служить на-

до, а мне не длаче: я барского хлеба не продаю и могоарычей чрез то не имею... Последний какой-нибудь оброчник теперь барина удовлетвори, да и вам представь, так тоже надо все это заслужить, а я живу честно... своими трудами... и на особые какие послуги... никогда на то не согласен.

Бурмистр. Ишь, господи, какой у нас честной человек и противу всех праведный выискался: дивуйтесь только и делайте все по его! Давайте ему буйнить над женщиной и командовать.

Ананий Яковлев. Кто ж может промеж мужа с женой судьей быть! Ты, что ль?

Бурмистр. И я буду, коли в начальство тебе поставлен.

Ананий Яковлев. Начальство есть и повыше вас, мы и до того тоже дорогу знаем.

Бурмистр. Да, так вот начальство сейчас и послушает тебя, рыжую бороду, так вот и скажут сейчас: «Сделайте одолжение, Ананий Яковлич, пожалуйста, приказывайте, как вам надо...» Ах ты, дурак, мужик необразованный, ехидная ты животиная!

Ананий Яковлев. Ты не лайся, пока те глотку-то не заткнули...

Бурмистр. Я те еще не так полаю, я те с березовой лапшой полаю.

Ананий Яковлев. Шалишь!

Бурмистр. Шалют-то телята да малые ребята, а я не шалю.

Ананий Яковлев. Шалишь и ты!

ЯВЛЕНИЕ VI

Те же и Золотилов.

Золотилов (*входя*). Тсс! Тише, что вы тут, скоты, орете!.. (*Ананию*) Ты, любезный, до чего довел барина-то: он, по твоей милости, без чувств теперь лежит. На смерть, что ли, ты его рассчитываешь? Так знай, что наследниками у него мы, для которых он слишком дорог, и мы будем знать, кто его убийца. Я все слышал и не так деликатен, как брат: если, не дай бог, что случится с ним, я сумею с тобой распорядиться.

Бурмистр. Мало, видно, он башки-то своей бережет; ему бы только на других указывать, того не зная, что, царство небесное, старый господин мой теперь, умираючи, изволил мне приказывать: «Калистрат, говорит, теперь сын мой остается в цветущих летах, не прикинь ты его!» — так я помню эти слова ихние и всегда, в чем ни на есть господская воля, исполню ее. Барин теперь приказал мне, чтобы волоса с головы бабы его не пало от него, и я вот при вас, Сергей Васильич, говорю, что, ежели я мало-мальски что услышу, — завтра же сделаю об ней распоряжение — на барский двор пшеницу мыть на всю зиму, на-те: властвуй, командуй!

Ананий Яковлев. Никогда ты не можешь того сделать, и никого я теперь не боюсь, коли никакой вины за собой не знаю.

Золотилов. Ну, будет, без рассуждений; мо-

жешь отправляться... довольно с тобой, дураком, разговаривать... (Уходит.)

Ананий Яковлев (тоже уходя и почти вслух).
Я сам, может, еще менее того желаю хошь бы какой там ни на есть разговор с вами иметь.

ЯВЛЕНИЕ VII

Бурмистр (вслед ему). Не сделаю я?.. Сделаю!.. Не сегодня ты мне на сердце-то наскреб. Коли ты теперь стал подкопы под меня подводить, что я там на межевке что сделал, али хлеб воровски продаю,—так я тебе еще не то всучу... не так еще наругаюсь, и не прочихаешься, змея-человек!

ЗАНАВЕС ПАДАЕТ

Действие третье

Та же изба, что в первом действии.

ЯВЛЕНИЕ I

Матрена сидит у растворенного окна, в которое глядит Спиридоньевна. Лизавета лежит за перегородкой, где повешена и выбка с ребенком.

Спиридоньевна. Так, слышь, баунька, он его уговаривал,— все лаской сначала... Сергей Васильич тоже при этом ихнем разговоре был, бурмистра опосля призвали... те пытали-пытали его усовещевать, ничто не берет: они ему слово, а он им два! Родятся же, господи, на свет экие смелые и небоязливые люди!

Матрена. Ну, матушка, и ему тоже не легко, я

сам, может, не рад тому, что говорит и делает. Как по-божески теперь сказать, не ему бы их, а им бы его оставить надо, — муж есть.

Спирidonъевна. Ну, а вот поди, тоже бурмистр али дворовые другое говорят: барина очень жалеют. На Ананья-то тем разом рассердившись, вышел, словно мертвец, прислонился к косяку, позвал человека: «Дайте, говорит, мне поскорее таз», и почесть что полнѣхонек его отхаркнул кровью. «Вот, говорит, это жизнь моя выходит по милости Ананья Яковлевича. Недолго мне вам послужить... скоро будут у вас другие господа...» — так и жалеют его очень!

Матрена. Не знаю, мать; господин, вестимо, волен все сказать, а что, кажись бы, экому барину хорошему и заниматься этим не для чего было; себя только беспокоить, бабу баламутить и мужичка ни за что под гнев свой подводить... а псам дворовым или злодею-бурмистру с пола-горя на чужой беде разводы разводить...

Спирidonъевна. То, баунька, слышь, барин теперь насчет того очень опасается, чтоб Лизавете он чего не сделал, только теперь о том и разговор с Сергеем Васильичем имеет.

Матрена. Ну, матушка, помилует ли он Лизавету! Подначальный ему тоже человек во всем; как есть! Толды, как он от барина-то пришел, человек это был али зверь какой? Я со страху ажно из избы убежала: сначала, слышу, голосила она все, молила что-то его, а тут и молвы не стало.

Спирidonъевна (с любопытством). Бил, значит, он ее?

Матрена. Вестимо, что уж не по головке гладил, только то, что битье битью бывает розь; в таком азарте человек, не ровен тоже час, как и ударит... Втепоры, не утерпевши материнским сердцем своим, вбежала в избу-то, гляжу, он сидит на лавке и пена у рту, а она уж в постелю повалилась: шлык на стороне, коса растрепана, и лицо закрыто!.. Другие сутки вот лежит с той поры, словечка не промолвит, только и сказала, чтоб зыбку с ребенком к ней из горенки снесли, чтоб и его-то с голоду не уморить...

Спирidonъевна. Как еще, мать, у нее молско-то есть — не пропало и не иссушилось с этих страхов?

Матрена. Какое уж, поди, тоже молоко... Хошь бы и насчет пищи теперь, колькой день крохи во рту не бывало.

Спирidonъевна. Да где сам-то? Дома, видно, нет?

Матрена. К священнику, что ли, пошел — не знаю... Меня вот сторожем приставил: «сидите, говорит, мамонька, тут, чтобы шагу никуда Лизавета не могла сделать». Всю одежду с нее теплую и обувь обобрал и запер: сиди, пес, арестанткой, и не жалею я ее нисколько — сама на себя, накликает это.

Спирidonъевна (взглянув в сторону). Идет вон, матка!.. Назад ворочает... Сердитый, знатъ, такой, и господи: упер в землю глаза и ни на что не смотрит... Прощай, значит, баунык!.. Настудила я и то те избу-то.

Матрена. Да зашла бы, пирожка, что ли, покушала.

Спиридоньевна. Спасибо, родимушка, неколды!.. К бурмистру забежать еще надо: пиво они новое ставили, так дрождец на опару обещали. Прощай!

Матрена. Прощай, прощай!

Спиридоньевна уходит.

ЯВЛЕНИЕ II

Матрена (*захлопнув окно*). Ой, горя и печали наши великие! Помяни, господи, царя Давида и всю кротость его... На одну теперь, выходит, владычицу нашу, тихвинскую Божию мать, все и чаяния наши... Отверзи милосердия твоего врата, матушка... Ты бо еси един покров наш... Заступи и помилуй!.. Угодники наши святые, Николай чудотворец и дьякон Стефан великомученик, оградите крылом вашим раб недостойных, аще словом, ведением или неведением согрешили перед господом... Батюшки наши страстотерпцы и милостивцы.

ЯВЛЕНИЕ III

Те же и Ананий Яковлев.

Матрена тотчас же встает и становится в почтительное положение; Ананий Яковлев садится за стол.

Матрена (*после короткого молчания*). Батюшка, не прикажешь ли собрать пообедать? Кушанье у нас хорошее настряпано.

Ананий Яковлев (облокачиваясь на стол и склоня голову на руку). Нет-с, неохота что-то.. (После некоторого молчания.) Самоварчик, пожалуй, поставьте; а то в горле как-то уж очень пересохло.

Матрена. Слушаю, сударь! (Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ IV

Ананий Яковлев и Лизавета за перегородкой. Опять молчание.

Ананий Яковлев (взмахнув глазами на перегородку). Лизавета! Что вы тут все лежите? Подьте сюда!.. (Молчание.) Сами худое делаете да еще в обиду вламываетесь. Не наказывать вас хотят, а хоша бы мало-мальски внушить и на хорошее наставить, коли не совсем еще рассудок свой потеряли... Вставайте! нечего тут.

Лизавета. Не смогу я... Будет с меня... Спасибо.

Ананий Яковлев. А мне легче твоего? Не из блажи, али из самодурства, всамотка, куражатся над тобой. Не успели тебя за вину твою простить, как ты опять за то же принялась. Камень будь на месте человека, так и тот лопнет... Не будь, кажется, ничего такого,— так не токмо что руку свою поднимать, а взглядом своим обидеть вас никогда не желал бы!

Лизавета. Много взглядов-то ваших видала всяких... и напредь того.

Ананий Яковлев. Врешь, совершенно врешь! Ежели и было что, так сама знаешь, за что и про что происходило... Мы, теперича, господи, и все мужики женимся не по особливому какому расположению, а все-таки, коли в церкви божьей повенчаны, значит, надо жить по закону... Только того и желал я, может, видючи, как ты рыло-то свое, словно от козла какого, от меня отворачивала.

Лизавета. Не от радости и я тоже отворачивалась.

Ананий Яковлев. С какой же печали-то особой? По замужеству вашему не из сапог в лапти обули вас, а словно бы понарядней супротив прежнего стали сарафаны-то носить...! Хоть бы то теперича ма-ленько поценили, что, жимши в Питере, может, в каком-нибудь куске себе отказывал, а для чего и для кого все это было сделано?.. Вот сейчас в кармане своем имею пятьсот целковых чистоганом... Думал: на будущий же год открою, хоша небольшую, свою лавочку; квартиру найму пообширнее; выпишу Лизавету и что ни есть стряпать самое не заставляю, а особую кухарку на то предоставляю: на, пей чай и кофе и живи в свое спокойствие.

Лизавета. Ничего мне вашего не надо; в Питере найдутся, окромя меня, охотницы на ваши деньги,— не позавидую им!

Ананий Яковлев. Ну да! Как же? Все вот она питерскими-то тычет в глаза: коли знаешь что про-

Питер, так сказывай ясней; а я во всякий час хоша на суд господень к ответу готов итти...

Матрена в это время вносит самовар и начинает ставить на стол чашки и чайник. Лизавета молчит.

(Продолжая.) То-то!.. Видно, и отвечать нечего, потому что сама лучше всякого знаешь, что никогда там ничего не было, да и быть не могло; а что теперича точно что: я, может, и хуже того на что пойду! Для какого рожна беречь себя стану?.. Взять, значит, эти самые деньги, итти с ними в кабак и кончить там... И с ними и с своею жизнью!

Матрена (пододвигая к Ананию Яковлеву чашку).
Налила, батюшка, чай-то!

Ананий Яковлев. Вижу-с! Подайте уж и привереднице-то вашей.

Матрена. Подам и ей... *(Уходит за перегородку.)*

Ананий Яковлев (отодвигая от себя чашку).
Мнением даже своим никогда не полагал, до чего теперь доведен стал. Все, что было думано и гадано, словно от дуновения ветра, пало и расстроилось.

Матрена (возвращаясь с невыпитой чашкой). Не хочет... не желает.

Ананий Яковлев. Что ж так? И тем уж, что ли, брезгует?.. *(Грустно улыбаясь и качая головой.)*
Человек-то, как видно, заберет себе блажь в голову, так что хошь с ним делай, ничего понять не может: ты к нему с добром, а он все к тебе с колом. Я вот теперь не то что с гневом каким, а, истерзаючись всем

сердцем моим и со слезами на очах своих, при матери вашей, прошу вас: образумьтесь и станем жить, как и прочие добрые люди!

Лизавета. Добрые люди не указчики про нас!

Матрена. Так что ж те, али на худых глядеть надо? Ишь что, псовка, говорит... Мало тебе еще, видно, было: смирен Ананий-то Яковлев, ей-богу, смирен.

Ананий Яковлев. То бы теперь, кажись, рас судить надо: ну, пускай так, я пропадать, значит, должен, дурак, видно, и был! Может, это еще за удовольствие для них будет; вы тоже, может, чрез то в могилу ляжете; что ж опосля того с самой-то последует? Царь небесный справедлив: он все это видеть будет и не помилует тебя, Лизавета, поверь ты мне!

Матрена. А я, батюшка, разве не то же ей долблю и наказываю?.. На то я ее при своем сиротчестве почесть что мирским подаянием да кровными своими трудами вспоила и вскормила, чтобы видеть от нее экие радости... *(Начинает плакать.)*

Ананий Яковлев. Э, полноте, пожалуйста, хороши уж и вы! Говорить-то только не охота, а, может, не менее ее имели в голове своей фанаберию, что вот-де экая честь выпала — барин дочку к себе приблизил, — то забываючи, что, коли на экой пакости и мерзости идет, так барин ли, холоп ли, все один и тот же чорт — срам выходит!.. Али и в самотка век станут ублажать и барыней сделают: может, какой-нибудь еще год дуру пообманывают, а там и прогонят,

как овцу паршивую! Ходи помиру на людском поруганьи и посмеяньи.

Матрена. И ништо ей, батюшка, будет, ништо!..

Ананий Яковлев. Для чего ж доводить-то себя до того? Другое дело, кабы ее на худое-то толкали, а то только всеми силами отвести ее от того желают: сам свое сердце смирил, кажись, сколько только мог, и какой бы там внутри червяк ни сидел, все прощаю и забываю; ну, по пословице: что с возу упало, то пропало,— не воротись! по крайности наперед себя поправить желается. И греха теперь бежавши, как и священник вот тоже советует, завтра же поедем со мною в Питер, а ежели насчет паспорта какое притеснение выйдет, так я и так увезу; прямо начальству объясню, почему и для чего это было сделано.

Матрена. Да ты, батюшка, так и сделай! Что на нее смотреть?! И я тебя прошу о том. Чего и кого тебе бояться тут?

Ананий Яковлев. Не о бязни речь! А говоришь тоже, все еще думаячи, что сама в толк не возьмет ли да по доброй воле своей на хороший путь не вступит ли... А что сделать я, конечно, это сделаю, как только желаю и думаю. Муж глава своей жены!.. Это не любовница какая-нибудь: коли хороша, так и ладно, а нет, так и по шее прогнал... Это дело в церкви петое: коли что нехорошее видишь, так грозой или лаской, как там знаешь, а исправить надо.

Матрена. Да как же, батюшка, не исправить. Коли бы нас, дур-баб, не били да не учили, так что бы

мы были! Ты вот хошь и гневаться на меня изволишь, а я прямо те скажу: на моих руках ты ее и не оставляй. Мне с ней не совладать: слов моих бранных она не слушает, бить мне ее силушки нехватает, значит, и осталось одно: послать ее к чорту-дьяволу.

Лизавета (*простонав*). Проклинайте больше, проклинайте!

Матрена. Али не проклянэ, чтобы провалиться тебе, дьяволице, в тартары тартаринские, на муки веченские, вот тебе мое материнское слово!

Ананий Яковлев. Перестаньте, полноте — тут с вашей пустой болтовней.

Матрена. Батюшка! Вывела уж она меня из всего моего терпения.

ЯВЛЕНИЕ V

Работница (*заглядывая в дверь*). Ананий Яковлич! Бурмистр тамотка пришел: спрашивает тебя и Лизавету Ивановну.

Ананий Яковлев. Как Лизавету Ивановну?.. Подь сюда, взойди.

Работница (*не входя*). Да больно, батюшка, я необрядна, спрашивает... таково много мужичья с ним привалило.

Ананий Яковлев. Это еще что за выдумки ихние?.. (*Матрене.*) Погляди, что там такое?

Матрена и работница уходят.

(Жене.) Ежели теперича разбойник этот ворвется сюда и вы слово при нем промолвите, я жив с вами, Лизавета, не расстанусь.

ЯВЛЕНИЕ VI

Те же и бурмистр.

Бурмистр. Ананий Яковлев дома?

Ананий Яковлев. Был, да весь вышел... Что те надо?

Бурмистр (входя). Надо нам!.. (Обращаясь к дверям.) Входите, братцы! Выборный, входите!

Выборный входит.

Федор Петрович, входите, батюшка! Матвей!.. Кирила!.. Проваливайте, кто там еще есть!..

Входят Федор Петров, кривой мужик, косою мужик, молодой парень и Давыд Иванов.

(Обращаясь к Ананию Яковлеву.) Я еще вчерасятко тебя на сходку звал, ты не пришел!.. Сегодня бабенка Спиридоньевна прибежала к нам и новые известия об тебе дала... Значит, я сам к тебе с миром на дом пришел.

Ананий Яковлев. Милости просим... Понравится ли только вам угощенье мое, не знаю.

Бурмистр. Прозубоскалишься, погоди маненько... (Обращаясь к мужикам.) Я теперича, господа мужич-

ки почтенные, позвал вас сюда, так как мне тоже одному с этим человеком делать нечего; на ваш, значит, суд и расправу предаю его, так вы-то и заведомо свое имейте!

Федор Петров (*опираясь на клюку и шамкая*). Заведомо нам, Калистрат Григорьич, неча тут иметь, коли мы теперь ничего того не знаем, за что и про что привел ты нас сюда.

Бурмистр. А за то ты, старичок почтенный, приведен сюда, что мы вот теперича с тобой третьим господам служим; всего тоже видали на своем веку: у покойного, царство небесное, Алексея Григорьича, хоть бы насчет того же женского полу, всего бывало... И в твоём семействе немало происходило этого... не забыл еще, может, чай, того?

Федор Петров (*обидясь*). Чтой-то, помилуй, каким ты меня, старого человека, словом попрекаешь... Оставь меня, пожалуйста, прошу о том.

Бурмистр. Не попрекают тебя, а что хошь бы тот же выборный... не потаит того: жена не жена, а все тоже близкий человек... сестра... известно, тоже в каком в последние годы барина положеньи при нем была.

Выборный (*тоненькой фистулой*). Я, помилуйте, сударь, как, значит, совершенно все жил в Питере, как же теперича мог, значит, знать, какие там положенья есть?.. А хоша бы и теперича, как привязан, значит, стал в свою должность, тоже ничего не знаю ни про себя, ни про других кого.

Бурмистр. Не про то, глупый ты человек, говорят, а что хвалят вас очень, так как никогда никакого буянства от вас не было. Вон тоже и Давыд Иванов. Он тут, при нем скажу, давно бы, можетка, ему свою бабу наказать бы следовало за все ее художества, так он и тут, по смиренству своему, все терпит.

Давыд Иванов. О батюшка, нашел на кого указывать. Не с сего дня я наплевал на то: бог с ней!

Бурмистр (*показывая на Анания Яковлева*). Да, а тут вот другое говорят: дебош хотят делать.

Ананий Яковлев (*с трудом сдерживая себя*). Послушай, Калистрат Григорьев, смеяться ли ты надо мной пришел с этими дураками, али совсем уж меня до худого довести хочешь,— скажи ты мне только одно?

Бурмистр. Нечего мне тебе сказывать? Я уж пел тебе свою песню-то: колькие годы теперь жеребец этакий в Питере живет; баловства, может, невесть сколько за собой имеет, а тут по деревне что маненько вышло, так и стерпеть того не хочет; да что ты за король Могол такой великий?

Ананий Яковлев. Великий, коли сам себя знаю!.. И тебе меня не учить, как понимать себя.

Бурмистр. Не по своей воле ты учат, а барское приказание на то я имею... (*Обращаясь к мужикам.*) Барин, теперича, приказал с ответом всей вотчины, чтобы волоса с главы его бабы не пало, а он тогда, только что из горницы еще пришедши, бил ее не на живот, а на смерть, и теперь ни пищи, ни питья не дает;

она, молока лишившись, младенца не имеет прокормить чем; так барин за все то, может, первой, чем с него, с нас спросит, и вы все единственно, как и я же, отвечать за то будете.

Между мужиками говор.

Федор Петров. Почто ж мы отвечать за то будем, коли ничем тому не причиной?

Выборный. Господин, значит, помиуйте! Сам волен теперь: что прикажут, то мы и сделаем.

Кривой мужик. Известно, что — господская воля. Рябой мужик. Не уйдешь от нее тоже, паря. никуда.

Давыд Иванов. Кабы мы теперь супротивники, что ли, какие были, ну, так то бы дело было.

Молодой парень. У нас тоже просто насчет того; тогда меня на миру отбаловали, и сам не ведаю за что.

Давыд Иванов. Как же, голова, помилуй! Хошь бы и насчет Ананья Яковлича, какая воля барская есть, разве мы знаем то...

Ананий Яковлев. Какая ж тут воля барская?.. Ах, вы, окаянный, дикий народ; миром еще себя именуют!.. Коли я вам, теперича, на суд ваш дурацкий предан, какая же и чья тут воля может быть?.. Али пословица-то, видно, справедлива-тка, что мирской разум везде ныне из кабака пошел, так я вам, лопадам, три бочки выкачу, только говори, помня бога и в правиле.

Федор Петров. Что ж мы сказали не в правиле... Это, братец, одна только напраслина твоя... Как вон, ну, на миру говорят о земельке, что ли, али по податной части, известно, мужичка кажинного дело — всякий скажет, а тут, теперича, в эком случае, ничего мы того не знаем, и что ж мы сказать можем?

Ананий Яковлев. Нет, ты, старый человек, должен был бы сказать, и не то, что в сихней шайке быть, а остановить бы душегуба этого, да и другим тоже внушить, коли хоша маненько себя пумней и почестней других полагаешь.

Федор Петров. Мне тоже, Ананий Яковлич, не распинаться стать из-за тебя... Я сам, выходит, человек подначальный.

Ананий Яковлев. Вижу я, что вы все одинаковы Иуды-то предатели... Тебе вон только словом намекнули на твое дело прошлое и забытое, так ты и то со стыда-то всю рожу в бороду спрятал... Какой-нибудь пискун выборный про сестру свою посконную и то от себя отпихивает, — за что ж вы меня-то опосля того почитаете? Али всамотка совсем к подлецу Давыдке применить хотите, коли в дом мой приходите и этакой смертельной обидой меня язвите? Души моей больше нехватает переносить того: я наперед вам говорю, — кому голова своя дорога, так убирайся отседова... топор у меня вострый!

Федор Петров. Как же это можно, братец, топором ты нам грозишь?.. Дураками и лопалами нас облаял да топором еще грозишь, — за что это?

Бурмистр. А за то, что вам мало еще, право! Хорошенько их, Анашка! Взял да и пошел валить того да другого в зубы: на-те, мол, вам, господа миряне, коли дураки вы такие.

Молодой парень. Что ж вы так наши-то зубы оченно уж дешево ставите, — коли он нас начнет бить, так и мы его станем.

Бурмистр. Ты мне бей не бей его, а хоша свяжи, да бабу ослободи мне от него, потому самому, что не могу ее оставить при нем. Мне тут за ним не углядеть, с сего же дня она будет у меня во дворе в особой келейке жить, коли я теперь за нее отвечать должен.

Ананий Яковлев. Будто?

Бурмистр. Ну да, будто!

Ананий Яковлев. Будто?.. А ежели я скорей по уши в землю ее закопаю, чем ты сделаешь то! (Колотя себя в грудь.) Не выводи ты меня из последнего моего терпенья, Калистрат Григорьев; не по барской ты воле пришел сюда, а только злобу свою тешить надо мной; идем сейчас к господину, коли на то пошло.

Бурмистр. Ну да, так вот сейчас и пойдут. Сидишь и тут хорош!

Ананий Яковлев. Не станут с тобой тут сидеть; ты к тому только, видно, и ведешь человека, что либо мне, либо тебе остаться жить на свете. Побереги ты своих седых волос!

Бурмистр. Ничего я тебя не боюсь, власти твоей нехватит ничего сделать ни мне, ни бабе твоей!

Ананий Яковлев. Бабе моей! Когда она, бестия, теперь каждый шаг мой продает и выдает вам, то я, не то что таючись, а средь белого дня, на площади людской, стану ее казнить и тиранить; при ваших подлых очах наложу на нее цепи и посажу ее в погреб дедяной, чтоб замерзнуть и задохнуться ей там, окаянной!

ЯВЛЕНИЕ VII

Те же и Лизавета, быстро появляется из-за перегородки со включенной головой, в худом сарафанишке и босиком.

Лизавета. Нету! нету!.. Не бывать по-вашему никогда!.. Довольно вы надо мной поначальствовали... Я вот, господин бурмистр, теперь заявляю вам: он тиранил меня, а что наперед еще сделает, неизвестно то — сам про то не сказывает...

Ананий Яковлев (*опуская руки*). Лизавета, уйди. Бога ради, уйди, оставь меня при моем деле.

Лизавета. Это не ваше дело, а мое! (*Обращаясь к мужикам.*) Все вы, может, видели, как я повенчана-то была... В свадебных-то снях почесть что связанную везли. Честь мою девичью мне легче бы было кинуть разбойнику в лесу, чем ему — так с меня спрашивать тоже много нечего, грешница али праведница через то стала; а что стыд теперь всякий свой потеряючи, при всем народе говорю, что барская полюбовница есть, и теперь, значит, ведите меня к господину—

последней коровницей али собакой, но при них быть желаю, а уж слушаться и шею свою подставлять злодею своему не хочу. Он теперь обувку и одежду обобрал — не остановит меня то, уйду к барину...

Начинает искать на голбце и по лавкам платье себе.

Ананий Яковлев. Лизавета, еще раз тебе говорю, не делай ты этого.

Бурмистр. Нечего тут «не делай!» (Молодому парню.) Дай ей своего полушубка и сапог, — до усадьбы только довести ее.

Молодой парень отвечает ему на это только диким взглядом.

Ананий Яковлев (обращаясь к мужикам). Господа миряне! Что же это такое? Заступитесь хоша вы за меня, несчастного! Примените хоша маненько к себе теперешнее мое положение: середь белого дня приходят и этакий срам и поруганье чинят! (Становится на колени.) Слёзно и на коленях прошу вас, обстойте меня хоша сколько-нибудь и не доводите меня до последнего. Бог вас наградит за то... (Кланяется общим поклоном всему миру в ноги.)

Федор Петров. Я, друг любезный, это что? Ничего, по тебе говорить надо!.. (Лизавете.) Как же ты, мужняя жена, сходишь от мужа и как ты смеешь-то! Ты спроси, позволит ли и барин те сделать это.

Бурмистр. Позволено, коли делают. Старый чорт, суется туда же. *(Молодому парню.)* Говорят тебе, скорей разболокайся и давай полушубок и сапоги.

Молодой парень. Нет у меня про это ни полушубка, ни сапогов. *(Быстро уходит.)*

Бурмистр. О, дьявол, грубиян-народ! На, Лизавета, надевай мою сибирку. *(Снимает с себя сибирку.)*

Лизавета. Давайте, сударь! Я в нее младенца, красавчика моего, заверну, а сама и так добегу: мне ничего. *(Проворно уходит за перегородку.)*

Ананий Яковлев *(вскакивая и вбегая за ней).* Не дам я тебе младенца!

Бурмистр. Чорт, прибьет еще бабу-то!.. Свяжите его, ребята, сейчас же!

Никто из мужиков не трогается.

Голос Лизаветы. Подай младенца, подай, а то ослеплю тебя.

Голос Анания Яковлева. Ах ты, бестия, смела еще руку свою поднять на меня. На вот тебе твое поганое отродье!

Раздается страшный удар и пронзительный крик ребенка.

Голос Лизаветы. Батюшки, убил младенца-то!

Бурмистр. Согрешили грешные! Говорил вам, кажется, черти-дьяволы, вяжите его! *(Бьет по шее рябого мужика.)*

Рябой мужик. Чего вязать-то?.. Давайте веревку-то... где веревка-то?

Давыд Ивановсв (стаскивая с полицы веревку).
На вот те веревку-то, входи туда!

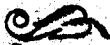
Рябой мужик. Чего входить?.. Цапнет топором еще, пожалуй, Сунься-ка сам.

Голос Лизаветы. Батюшки, совсем уж не дышит, вся головка раскрыена!

Выборный (несмело заглянув в дверь). Ничего, значит, не цапнет: окно высадил и убег.

Бурмистр. Караул! Бей скорей в набат и ловите его, окаянный народ!.. Что теперь барин-то с нами сделает — пропали наши головы!..

ЗАНАВЕС ПАДАЕТ

Действие четвертое

Зала в доме Чеглова.

ЯВЛЕНИЕ I

Стряпчий сидит и пишет за столом. У того же стола сидит исправник. Перед ним стоит бурмистр.

Исправник. Отвечать, конечно, что́ будете, отчего не остановили его и не заарестовали.

Стряпчий. Удивительное дело это, каким образом у целой деревни один мужик убежал!

Бурмистр. Оробели, ваше благородие, так совершенно, что оробели: я втепоры, как он в окно-то махнул, почесть две версты за ним бежал, так он обернется да и грозит: «Только кто, говорит, подойди ко мне, так живой на месте не останется». Я, ваше бла-

городне, человек тоже уж не молоденький: мне не очень с ним совладать; они вон пудов по семи говядины на башке носят.

Исправник. Где он, каналья, может скрываться?.. Другая ведь уж неделя пошла...

Бурмистр. Поблизости ему, ваше благородие, тут быть негде: он бы давно уж себя заявил. Я по первоначалу-то и ждал, что он либо селенье выжжет, либо над нами кем что сделает; а, коли все благополучно, так наверняк надо полагать, что в Питер махнул: мало там разве беспашпортных-то проживает. Старуха, теща его, сказывала, что у него тысяча целковых в кармане была, с такими деньгами везде спокорно проживет; а ты вот за него мучься и отвечай. Только теперь на вашу милость и надежду полагаем, коли вы защитите и помилуете нас.

Стряпчий (ядовито). Нам тут много делать нечего — старше нас тут член есть. Губернаторских-то молодкососов нынче этих развелось. Всю дорогу мне в тарантасе объяснял, как он тут всю подноготную выкапывать хочет.

Бурмистр. Позвольте, сделайте милость!.. Хоть, конечно, мы теперь точно — мужики — народ необразованный, а все тоже маненько понимать можем так, что господин этот чиновник смешнеющий: другой день теперь изволит ходить и под окнами по избам подслушивать, как будто кто из вотчины может что про господина сказать. Вон и Сергей Васильич приказать мне изволили: «Поди, говорит, Калистрат, переговори с гос-

поодином исправником и господином стряпчим, а что, говорит, с этим губернаторским чиновником я и дела никакого иметь не хочу — не стоит он того!»

Исправник. Сергею Васильичу хорошо на нас указывать, а тут как после что выйдет, так он и в стороне.

Стряпчий. Мало еще, что в стороне, да первый еще тебя перед губернатором подлецом и взяточником и облает... Не с сегодня мы его знаем.

Бурмистр. Позвольте, ежели теперича таким манером, так Сергей Васильич и знать про то совершенно не должен: мне не то что как другому вотчиноначальнику, барину, что ли, докладывать, али с вотчины по грошам да по гривнам собирать надо. Вон я сейчас полтораста целковых имею и представляю их. Делить только, дурак, не умею как, а деньги готовы. *(Кладет торопливо из кармана на стол сто пятьдесят целковых.)*

Исправник. Брать-то бы еще, братец, пока не за что: ничего еще не сделали.

Бурмистр. Да это не то, что за дело какое-нибудь, а так, только из уважения моего к вам... приношу и земно о том только кланяюсь — принять их и не побрезговать.

Исправник. Для чего брезговать — не поганые... *(Стряпчему.)* Берите, получайте, сколько вам следует.

Стряпчий *(продолжая писать)*. Не знаю-с я, сколько мне по-вашему следует.

Исправник. Как же не знаете: всегда, кажется, с вами по-братски делили пополам, вот тут семьдесят пять рублей ровно — берите... (Подвигает стряпчему деньги; тот проворно и молча сует их в жилеточный карман и снова продолжает писать.)

Исправник. Человечек уж — нечего сказать... (Обращаясь к Бурмистру с ласковостью.) Да что барин-то в самом деле болен, али так?

Бурмистр. Очень нездоровы! Горячка, сказывают... как тогда встревожились... слегли... все хуже и хуже... не знаем, и жив останется ли, — подлец и разбойник, что наделал... (Увидя входящего сотского с палкою в руках и бляхою на груди.) Что те надо? дурак! лезет.

Сотский. Народ тамошка согнал.

Исправник (стряпчему). Давайте спрашивать пока, — что ж нам его дожидаться-то.

Стряпчий. Спрашивайте.

Бурмистр. Со старухи Матрены, может, ваше благородие, изволите начать?

Исправник. Да хоть с Матрены.

Бурмистр (сотскому). Давай сюда Матрену!

Сотский уходит.

А насчет болтовни, ваше высокоблагородие, вы и опасаться не извольте. Сами можете увидите: у меня не то что старшим, всем на рот замки повешены, а какие малые ребята были, так я и тех всех велел верст за тридцать отседова увезти, чтобы лишнего не наболтали.

ЯВЛЕНИЕ II

Матрена, робко входя, а за ней и сотский.

Бурмистр. Подходи тут ближе!.. что рыло-то уж больно в землю уткнула...

Матрена подходит.

Исправник. Как тебя зовут?

Матрена (то глядя на потолок, то себе на ноги).

Ну, батюшка... господи...

Исправник (повторяя). Как тебя зовут?

Бурмистр. Матреной, ваше высокородие, верно, так-с, — извольте писать.

Исправник. Да точно ли?

Бурмистр. Точно так — помилуйте, станем ли обманывать; для чего это...

Стряпчий пишет.

Исправник. Сколько тебе от роду лет?

Матрена (дрожа всем телом). Ну, батюшка... сударики мои...

Бурмистр. Да, старый пес, сказывай... что и того не говоришь.

Матрена (со страхом, заглядывая на него). Я, батюшка, что!.. помилуйте...

Бурмистр. Стара, ваше благородие, извольте писать. Живет только старая кочерга, а что очень стара; на седьмой десяток, поди, идет...

Стряпчий пишет.

Исправник. Какой ты веры и бываешь ли на исповеди и у святого причастия?

Матрена (продолжая дрожать). Ну, батюшка, вестимо что...

Исправник. Что же такое вестимо?

Матрена. Вестимо, батюшка.

Бурмистр. Бывает, ваше благородие, извольте писать: и в великий пост и в Успенки, чай, исполняет это... давно уж тоже, поди, к савану себя готовит.

Исправник (почесывая в голове). Каким это образом, бабушка, у тебя зять младенца-то убил?

Матрена (еще больше задрожав). Я, батюшка, что!.. Господи!..

Бурмистр. Ее не было, ваше благородие, совершенно так, что не было... Сказывай, что ли, дьявол этакий, что тебя не было там.

Матрена. Не было, господин бурмистр, не было.

Стряпчий (пишет). Не было, так не было.

ЯВЛЕНИЕ III

Те же и чиновник особых поручений — молодой человек с выдавшеюся вперед челюстью, в франтоватом вицмундире, с длинными красивыми ногтями и вообще, как видно, господин из честолюбивых, но не из умных.

Чиновник (сотскому). Там я мужика привел!.. задержать его, чтоб ни с кем тут не столкнулся... (Подходит с важностью к столу.)

Исправник (с некоторым подобострастием). Мы уж, извините, начали без вас.

Чиновник. И что же?

Стряпчий (молча пододвигая к нему бумагу). Показание вот-с!

Чиновник (пробежав бумагу). Гмм! Ничего-незнайка, по обыкновению. Ну, ты у меня, старая, будешь знать.

Матрена. Батюшка, господи!.. (виновата... (Кланяется ему в ноги.)

Чиновник (толкая ее ногой). Прочь! Еще тут с ней проклажаться; вытащите ее и позовите сюда жену убийцы. (С важностью садится на председательское место.)

Бурмистр (сотскому). Волоки ее, паря, и позови сюда поскорей Лизавету.

Сотский уводит Матрену.

Чиновник (взмахнув глазами на бурмистра). Ты что тут за распорядитель и зачем здесь в следственной камере?

Бурмистр (струся). Так как, значит, ваше высокородие, народ тоже таперича привел сюда.

Чиновник. Это дело земской полиции, а не твое... (Сильно вскрикивая.) Пошел вон!

Бурмистр мгновенно скрывается; навстречу ему сотский вводит Лизавету.

Что ты ее ведешь таким образом? Оставь ее.

Сотский. Никак на ногах-то, ваше высокородие, не стоит: все вон и на помосте-то тут валялась.

Чиновник (*строго официальным тоном*). Ты ли жена Ананья Яковлева?

Лизавета. Я... грешница... грешница... (*Склоняет голову.*)

Чиновник (*еще строже*). С кем ты прижила незаконного ребенка?

Лизавета (*с тоской разрывая рубашку*). Нету его, батюшка, моего красавчика, нету! Убили, отняли его у меня!.. (*Склоняет еще более голову, и, вырываясь из рук сотского, падает.*)

Чиновник. Держи ее, дуралей!

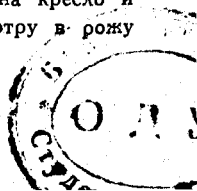
Сотский (*поднимая ее*). Что́ все падаешь? Постой хоть немного перед начальством-то!

Чиновник. Притворщица какая, а?

Исправник. Какое уж тут притворщица... человек совсем, как видно, ошеломленный.

Сотский. Втепоры, ваше благородие, как младенца-то убили, как ухватила его; руки окоченели... я прибежал и едва, почесть, выцарапал его у ней, а теперь только то и вопит, что грешница... В рассудке, что ли, маненько тронулась?

Чиновник. Я приведу ее в рассудок. Она у меня сейчас опомнится. Я не из чувствительных и все знаю, как дело шло и происходило, сколько тут ни замазывали. Не пускать ее и посадить вот тут на кресло и позвать этого мужика из сеней... Я ей вотру в рожу краску, коли она совсем ее потеряла.

Сотский (отводя в сторону Лизавету и заглядывая в дверь). Кликните ребята, Никона. (Сажает Лизавету на кресло.) Ну, садись вот тут... не хочешь ли водицы испить?

Лизавета бессмысленно на него взглядывает и начинает опять всхлипывать.

Ну-ну, не стану: нишкни только!

Чиновник (со злобою глядя на них). Ах, вы, шельма-народ! Я всех вас переберу и земскую полицию тут же вместе... только пакости и мерзости заведены по всему уезду: убийство сделали да и убийцу убрали, чтобы совсем концы спрятать.

ЯВЛЕНИЕ IV

Те же и Никон.

Никон (показываясь в дверях и обращаясь к мужикам). О, черти-дьяволы, право! Я всегда могу быть перед господами чиновниками, — что вы?

В это время показывается Золотилев. Никон вытягивается.

Золотилев. Позвольте, господа, мне побеседовать тут. Я, как местный предводитель, имею, кажется, на это некоторое право.

Чиновник. Сделайте одолжение... (Никону.) Поди сюда...

Тот подходит неровными шагами.

Говори, что ты мне давеча рассказывал.

Никон. Говорить надо то, ваше высокородие, по-божески, значит: с Анашкой мы, теперича, ехали... мало разве у нас пановшины-то с ним было. Пьяный человек, известно, ваше благородие, колобродит.

Исправник (покачав головой). Сам-то бы лучше зенки-то хорошенько продрал, а то, ишь, рожа-то у канальи: чертей в лесу пугать.

Никон. Это верно так, ваше высокородие, потому что я человек порченный: первый, может, мастер в империи был, а чтобы теперича хозяина уважать... никогда того не могли: цыц! стой! Слушай, значит, он моей команды... так ведь тоже, ваше высокородие, горько и обидно стало то: «На-ста, говорит, тысячу целковых и отшутить ему эту шутку»... Человек, значит, и погибать чрез то должен, — помилуйте!

Чиновник. Имел ли господин ваш связь с женой Ананья?

Никон. Было, ваше высокородие, совершенно так, что происходило это: барин у нас, помилуйте, ловкий... А баба наша, что она и вся-то, значит — тьфу! — того же куричьего звания; взял ее сейчас теперь под парротки, вся ее и сила в том. Барин мне, теперича, приказывает: «Никашка, говорит, на какую ты мне, братец, бабу поужаешь...» — «Помилуйте, говорю, сударь, на какую только мановением руки нашей сделаем, та и будет наша...» Верно так!

Чиновник (перебивая его). Действительно ли эта женщина имела незаконного ребенка?

Никон. Пригубный, ваше высокородие, мальчик был: не сказывают только потому самому, что народ ехидный... Мы-ста, да мы-ста; а что вы-ста? — мы сами тоже с усами... У меня, ваше высокородие, своя дочка есть... «Как, говорю, бестия, ты можешь?.. цыц, стой на своем месте...» Потому самому, ваше высокородие, что я корень такой знаю... как сейчас, теперь, обвел кругом человека, так и не видать его... хошь восемь тысяч целковых он беря тут, не видать его.

Исправник (махнув рукою). Чорт знает что такое городит.

Чиновник (стряпчему). Запишите его показание...

Тот только взглядывает на него.

Золотилов. Я полагаю, господа, что нельзя этого записывать, потому что он мертвецки пьян, на ногах не стоит.

Никон (приосанясь). Никак нет-с, помилуйте! Я только то, что человек, значит, нездоровый: московской части, теперь, третьего квартала, в больнице тоже семь месяцев лежал, а там, как сейчас привели нашего брата, сейчас его в воду, в кипяток самый, сажают; за неволю, батюшка Сергей Васильич, у кажинного человека расслабят всякие суставы, в нем какие есть.

Чиновник. Молчи! Это, наконец, не служба, а каторга становится.

ЯВЛЕНИЕ V

Те же и Давыд Иванов.

Давыд Иванов. Ананья, ваше благородие, я поймал и привел.

Чиновник встряхивает головой.

Исправник (с удовольствием). Ну, вот, слава богу.

Сотский (крестясь). Слава те, господи!

Золотилов (Давыду Иванову с неудовольствием). Где ж ты поймал его?

Давыд Иванов. Я, батюшка Сергей Васильич, виноват тоже; значит, на своей полоске боронил, глядь, он и выходит из-под Утробина, из лесу. «Давыд Иванов, говорит, начальство меня ищет?» — «Ищут, говорю, брат». — «Веди, говорит, меня к ним, хочешь связанного, а хочешь так...» — «Что́, я говорю, мне тя связывать».

Чиновник. Кто ж ему тут пристанодержательствовал?

Давыд Иванов. Об этом, ваше благородие, тоже разговору не было. Я тоже-тка поодаль все от него шел... опасно было: человек в этакой отчаянности, пожалуй, что́ и сделает над тобой.

Чиновник (сотскому). Поди, введи его сюда!

Сотский. Как ее-то, ваше благородие, прикинуть тут. Все вон понаваливается: попридерживаешь ее маенько.

Чиновник (вскрикивая). А хоть бы она сквозь землю провалилась, дурак этакий.

Исправник (вставая). Бурмистр его может привести. (Подходя к дверям.) Скажите Калистрату, чтоб ввел сюда Ананья.

Чиновник. С кандалами на руках и на ногах.

Исправник (повторяя). Скованным.

Голос за стеной. Слушаем, ваше благородие.

Чиновник (стряпчему). Что же вы?

Стряпчий. Пишу-с, только ведь тут — я не знаю.

Золотиллов (вставая на ноги). Я опять вам повторяю, господа, что нельзя этого писать. В противном случае я войду с отдельным мнением.

Чиновник. Я в вашем мнении совершенно не нуждаюсь.

Золотиллов. А я вас буду просить нуждаться в нем. Если бы дело шло о какой-нибудь пропавшей лошади или корове, вы бы могли быть свободны в ваших действиях — законных и незаконных; но когда оно касается дворянства, которому я имею честь служить, я всегда тут буду иметь свой голос. Господин исправник, вы тоже избраны нами, а потому не угодно ли вам сказать ваше мнение?

Исправник (струся). Пьяных, конечно, что-с не велено спрашивать.

Золотиллов. Но, кроме этого, господа, поймите вы: главное то, что вы тут пьяницу-мужика ставите на одну доску с дворянином, который, смею вас заверить, ничем не запятнал себя в уезде...

Чиновник (*перебивая его*). Я служу правительству, а не дворянству, и во всяком случае прошу вас прекратить наш спор, потому что убийца приведен.

ЯВЛЕНИЕ VI

Показывается Ананий Яковлев, с кандалами на руках и на ногах. Выражение лица у него истощенное и совершенно страдальческое. В дверях набивается толпа мужиков и баб.

Одна из баб. Какой, мать, худой и ненарядный стал!

Мужик. Сам пришел — ну-ка?

Ананий Яковлев прямо подходит к столу. Бурмистр становится поодаль.

Чиновник (*оглядывая Анания*). Молодец славный! хоть тысячу плетей, так вынесет. (*Исправнику*.)
Опросите его заголовки!

Исправник. Сколько тебе от роду лет?

Ананий Яковлев. Тридцать бы словно шесть минуло.

Лизавета, услышав голос мужа, начинает всхлипывать,
Ананий Яковлев вздрагивает.

Сотский (*унимая ее*). Ну, полно, полно.

Исправник (*Ананию Яковлеву*). Какой ты веры и бываешь ли на исповеди и у святого причастия?

Ананий Яковлев. Веры церковной и ко святым тайнам ходил тоже в Питере кажинный год.

Лизавета еще сильнее начинает рыдать и вытягивается всем телом.

Сотский (Лизавете). Перестань, — право, нишкни; а то хуже-тко накажут.

Ананий Яковлев (бледнея и нетвердым голосом). Прикажете, ваше высокородие, ее, несчастную, отсюда вывести; и мне-то уж тоже очень непереносно.

Чиновник (злобно смотря на него). Нет-с, я этого не сделаю; а нарочно буду ее держать, чтобы ты совесть почувствовал и говорил правду.

Ананий Яковлев потупляет только голову.

Где ж ты все это время пребывал?

Ананий Яковлев. В лесу на пустошах жил.

Чиновник (значительно). Я думаю. Кто ж тебе туда пищу доставлял?

Ананий Яковлев. Какая уж пища, — кто ее доставит? В первый-то день, только как уж очень в горле пересохнет, так водицы изопьешь, а тут опосля тоже... все еще, видно, плоть-то человеческая немощна... осилит всякого... не вытерпел тоже... и на дорогу вышел; женщина тут на заделье ехала, так у ней коровай хлеба купил, только тем и питался.

Чиновник. Зачем же сдался? Жил бы там в пустыне, питался акридами.

Ананий Яковлев. Не жизни, сударь, я тамotka

искать ходил, а смерти чаял — не растерзают ли, по крайности, думал, хотя звери лесные... от суда человеческого можно убежать и спрятаться, а от божьего некуда!

Чиновник. Гмм! Философ какой! А давно ли и с кем именно жена твоя имела связь?

Ананий Яковлев молчит.

Может быть, с барином?

Ананий Яковлев (*краснея и потупляя глаза*). Ничего я того, сударь, не знаю... и, кажись, это к делу вовсе не касающееся.

Чиновник. А, не касающееся! Вследствие чего же ты убил младенца?

Ананий Яковлев (*еще ниже потупляя голову*). Убил... это дело в азарте было.

Чиновник. А отчего же самый азарт этот произошел?

Ананий Яковлев (*тяжело выдыхая*). Оттого, что я с малолетства, видно, окаянным человеком на свете был: на всякую малость гнев свой срывал да не сдерживал себя; все это теперь чувствуешь и понимаешь, как ад-то кромешный разверзся перед тобою со всех сторон.

Чиновник. Об аде помышляешь, а сам лжешь. Взгляни-ка на образ и повтори, что ты сказал.

Ананий Яковлев потупляет глаза.

Ну, гляди же! Ах ты, шельма, мерзавец! Ни бога, ни совести!.. (*Никону.*) Поди, уличай его.

Никон. Чтó мне, ваше благородие, уличать его?.. Нэчего! Не очень они нас, стариков, слушают... ты его наставляешь на хорошее: «делай, мол, паря, так и так...» — так он тебя только облает... Я сам, 'ваше благородие, питерец коренной: не супротив их, может, человек был; мне тоже горько переносить от них это, — помилуйте! (Плачет.)

Чиновник. Ты говорил, что жена его была в связи с барином?

Никон. Али нету? Она сама, ваше благородие, тут сидит... Чтó не говоришь?.. Сказывай, чертовка!.. Нам вас тоже прикрывать не из чего!.. Немного, ваше благородие, от них вина-то видели... свое пьем, — верно так! Вон он из Питера пришел... полштофчиком поклонился, да и шабаш на том.

Лизавета снова начинает рыдать. Сотский закрывает ей рот.

Чиновник. О, чорт, кричит тут! Выведите ее.

Сотский (уводя Лизавету). Пойдем; экая какая ты!..

Ананий Яковлев смотрит с чувством вслед за женою.

Чиновник (указывая Ананию Яковлеву на Никона). Что ж? возражай ему!

Ананий Яковлев. Нэчего мне, сударь, возражать, пускай болтает, чтó хочет; а я только то и знаю, что мой грех до меня, видно, пришел, и никто тому не причинен.

Золотилов. Эти слова его, господа, не угодно ли вам записать?

Чиновник. Нет, не угодно, потому что я знаю других сообщников. *(Показывая на бурмистра.)* Вон один тут налицо! *(Колотя по столу.)* Ты у меня, рожка твоя подлая, сегодня последний день не в кандалах, и одно твое спасенье, если ты станешь говорить одну правду.

Бурмистр *(бледнея)*. Мне, ваше благородие, лгать тоже тут не дляче, — дело мое стороннее!.. Как перед богом, так и перед вами доложить, что я ни про что, почесть, тут совершенно неизвестен.

Чиновник *(вставая и подходя к нему)*. А! ты неизвестен, неизвестен!

Бурмистр *(пятясь)*. Совершенно так, ваше благородие.

Чиновник. Неизвестен, борода твоя скверная! *(Хватая его за бороду и таская.)* Неизвестен, как приходил к нему с народом и уводил от него насильно жену!..

Бурмистр *(вставая на колени)*. В том точно что, ваше благородие, виноваты, значит... мы люди подчиненные, сами изволите знать, что́ прикажут нам, то мы и делаем.

Чиновник. Значит, ты приходил к нему?

Бурмистр. Помилуйте, ваше благородие, господин теперь приказывает, чтоб он бабу не забижал, а он промеж тем бьет и тиранит ее... должен же я, по

своей должности проклятой бурмистерской, был оставить его.

Золотилов показывает бурmistру кулак.

Чиновник (обращаясь к Ананию). Как же ты говоришь, что никто в твоём деле не причинен?

Ананий Яковлев (с презрением взглядывая на бурмистра). Коли говорят на себя, пускай по его будет... а я ничего того не помню и не знаю.

Чиновник (пожимая плечами). О-то дурак, дурак!

Бурмистр (вставая). Ваше благородие, теперь бить да наказывать ни за что изволите... за неволю наболтаешь, чего никогда отродясь и не бывало...

Чиновник (повертываясь к нему). Опять уже не бывало — а?.. Сотского сюда, коли так... давайте мне сотских сюда...

Сотский является.

(Показывая на бурмистра.) Заковать его сейчас в кандалы и в холодную избу посадить.

Сотский. Нарукавников-то других, ваше благородие, нету.

Чиновник (колотя его). Ты у меня, бестия, где хочешь возьми да закуй его.

Сотский (струся). Пойдемте-с.

Бурмистр. Хоша на огне, ваше благородие, палить прикажите, — я ни в чем тут не виноват.

Чиновник (ударяя себя в грудь). Иди, говорят тебе, покуда я не убил тебя на месте.

ЯВЛЕНИЕ VII

Чиновник (некоторое время ходит по комнате в сильном азарте, а потом обращаясь к Ананию). А ты— дурак, совершенный дурак! Пойми ты, рожа твоя глупая, что когда ты докажешь, что у жены твоей был незаконный ребенок, ты наказанье себе облегчишь: вместо того, чтоб тебя, каналью, отдать под кнут, сошлют, может быть, только на покаяние.

Ананий Яковлев. Все это, сударь, я сам очень знаю, ну и себя тоже чувствуешь; ежели, паче чаяния, что и сделали они супротив меня, не мне их судьей и доказчиком быть; мой грех больше всех ихних и наказанье себе облегчить несколько того не желаю: помоги только бог с терпеньем перенести, а что хоша бы муки смертные принять готов, авось хоша за то маломальски будет прощенье моему великому прегрешенью.

Чиновник. Нет, ты не богу, а тому же дьяволу хочешь служить, потому что подкуплен.

Ананий Яковлев (горько улыбаясь). Не для чего мне, сударь, теперь ни на какой подкуп итти: я вот свои, кровным трудом нажитые, пятьсот целковых имею и те представляю... (Вынимая и кладя деньги на стол.) Так как теперь тоже, может, доступу ко мне не будет, так я желаю, чтобы священник наш их принял. Дело мое они знают, и как им угодно: младенца ли на них поминать, в церковь ли примут, али сродственникам — семейству моему — раздадут, ихняя воля; а мне они не для чего.

Чиновник. Какой благочестивый!.. Ах, вы, окантный народец! Человек убил да свечку потолще поставил, и думает, что бог простит ему. Нет, он лучше бы помиловал тебя, кабы ты говорил правду.

Золотилов. Какую еще правду ему говорить? Вы бьете и сажаете в кандалы людей, заставляя их пристрастные показанья делать, обещаете преступнику облегчить наказание с тем только, чтоб он оговаривал... (Обращаясь к стряпчему и исправнику.) Не угодно ли, господа, обо всем этом составить особое постановление?

Чиновник (вставая и беря фуражку). Сколько вам угодно, я ничего не боюсь и сейчас еду к губернатору, потому что тут все в стачке: и мужики и чиновники. Пускай пришлют, кого хотят... (Уходит.)

Исправник. Вот дурак-то! Наболтает он тут: пропадешь ни за грош.

Золотилов. Никогда этого быть не может. Я сам поеду к губернатору и объяснюсь... Нельзя же какому-нибудь мальчишке-молокососу выдавать дворянина с руками и ногами.

Исправник. Известно что-с.

ЯВЛЕНИЕ VIII

Те же и сотский.

Сотский. Господин чиновник, ваше благородие. Ананья приказал беспременно, чтоб сейчас в острог под караулом справить.

Все потупляются. Ананий Яковлев слегка бледнеет.

Между тем в комнату собираются мужики и бабы, и между ними Матрена вводит под руку Лизавету.

Исправник. А бурмистра что же? тоже?

*Сотский. Бурмистра, ваше благородие, они про-
стили-с... Раз пятнадцать, пожалуй, им в ноги поклон-
нился: «коли, говорит, начальство теперь станет меня
спрашивать, я все доложу».*

*Исправник. Гмм! Собирайте, значит, подводу.
(Ананию.) Отправляйся, братец, делать нечего.*

*Ананий Яковлев. Позвольте, ваше благородие,
поклониться народу.*

Исправник. Сделай милость.

*Ананий Яковлев (кланяется). Простите меня,
христиане православные!..*

*Начинает со всеми целоваться и с первым бурмистром,
а потом и с прочими мужиками.*

*Давыд Иванов. Прощай, Ананий Яковлич... ви-
новат, брат, что привел тя... сам просился.*

*Никон (обливаясь слезами). Все там, Анаша, бу-
дем, все — до единова...*

*Ананий подходит к матери и жене. Та бросается ему
сначала на руки. Он целует ее в голову. Она падает
и обнимает его ноги.*

*Ананий Яковлев. Отнимите ее маненько... (По-
том, прощаясь с Матреной.) Прощайте-с... благослови-
те, коли не очень гневаетесь. (Матрена его крестит.*

Он снова обращается к народу.) Еще раз земно кланяюсь: не помяните меня, окаянного, лихом и помолитесь о моей душе грешной! (Уходит.)

Все его провожают; Матрена с другими бабами начинают выть: «Уезжает наш батюшка, отходит наше красное солнышко».

ЗАНАВЕС ПАДАЕТ

Краткая справка

Драма А. Ф. Писемского «Горькая судьбина» впервые появилась на страницах «Библиотеки для чтения» в 1858 году, почти одновременно с появлением известного романа «Тысяча душ». Поставленная в 1863 году на александринской сцене в Петербурге, драма имела огромный успех. Академия наук присудила ей Уваровскую премию. «Горькая судьбина» была по существу первой на русской сцене реалистической пьесой из крестьянской жизни, и вплоть до «Власти тьмы» Толстого оставалась в своем роде единственной.

Сюжет пьесы Писемского основан на подлинном происшествии. Писатель, служивший одно время чиновником особых поручений при костромском губернаторе, был участником разбора подобного дела в Костроме.

Тем не менее реальность основной ситуации «Горькой судьбины» подвергалась некоторыми критиками справедливому сомнению. Писемский, как известно, не был сторонником революционной демократии, и субъективная ограниченность его кругозора, действительно, в какой-то мере мешала ему ясно видеть подлинные взаимоотношения, существовавшие в русской деревне крепостнической эпохи.

Но появление в пьесе Писемского великодушного помещика и искренне любящей его крестьянки не мешало ей стать сильной реалистической драмой. Художник-Писемский все же победил в ней Писемского-ретрограда, и образы «Горькой судьбины», наряду с образами первых рассказов писателя из народной жизни, остаются наиболее отчетливым выражением его реализма.

Объективно произведения Писемского нередко заострены против социального строя царской России. Об этой объективной сатирической заостренности образов Писемского говорит А. П. Чехов: «У него все попы, чиновники и генералы сплошные мерзавцы. Никто не оплевал так старый суд и солдатчину, как он».

Против представителей судейской касты, против чиновничества, против деревенского начальства направлено в значительной степени и острие «Горькой судьбины».

Художественное мастерство Писемского дает ему возможность с большой силой изобразить тяжелое положение женщины — рабыни мужа, выданной замуж на-

сильно, невзирая на то, что в своей драме он выводит женщину из среды зажиточного крестьянства, которую муж по-своему любит.

«Покаянный» финал «Горькой судьбины» предвосхищает «Власть тьмы» Толстого.

По свидетельству П. В. Анненкова, этот финал был подсказан писателю актером Мартыновым. Утверждают, что конец, намеченный автором, был иной. По словам Анненкова, в первоначально задуманном варианте конца Ананий Яковлев, вернувшись в деревню в качестве атамана разбойничьей шайки, убивает бурмистра. По указанию А. В. Никитенко, он убивает помещика.

Драма «Горькая судьбина» в высшей степени замечательна с точки зрения воспроизведения народной речи. Язык драмы в целом также очень выразителен и глубоко индивидуален для каждого из персонажей.

Сценические достоинства «Горькой судьбины», как и других пьес Писемского, во многом определяются тем обстоятельством, что писатель хорошо знал театр и всегда увлекался им. По окончании Московского университета он с большим успехом сыграл Подколесина в «Женитьбе» Гоголя, чем даже стяжал на некоторое время славу выдающегося актера. Репутация эта в дальнейшем не утвердилась за Писемским, зато слава превосходного чтеца сохранилась за ним на всю жизнь.

*Редактор Б. Бегак
Переплет худ. Н. Жукова
Техред П. Казарин*

Сдано в набор 15.II 1939 г.
Подписано к печати 3.IV 1939 г.
Тираж 5000 экз. Формат бумаги
60 x 92¹/₃₂ д. л. Бум. л. 1⁹/₁₆.
Печ. л. 3¹/₈. Уч. ав. л. 3,6. Кол.
зн. в 1 печ. л. 54752. Индекс 502.
Издат. № 2026. Уполн. Главлита
№ А-8376. Заказ № 333.

Цена 1 р. 50 к. Переплет 75 к.

Типография „Красный печатник“
изд-ва „Искусство“, Москва,
ул. 25 Октября, 5.

НБ ПНУС

6655